

4 (718) апрель, 2017

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

Лестница в небо

ОПЯТЬ ИГРА

КОЙВА — РЕКА ПЛЕСКУЧАЯ

ОЗЕРО ДРАКОНА

Апрель 2017

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Аболян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

На обложке – Фото предоставлено уральским парашютным сообществом Ural Team Paragliding.

Редакция, издатель –
АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Асхаб Магомедович Асхабов.
Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
- Владимир Николаевич Большаков.
Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных. УРО РАН.

- Сергей Вячеславович Левыкин.
Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук

- Сергей Геннадьевич Захаров.
Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

- Николай Николаевич Назаров.
Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.

- Евгений Викторович Голубев.
Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.

- Алексей Михайлович Прокашев.
Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор

- Игорь Юрьевич Шароватов.
Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
- Оксана Александровна Гирман.
Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2017 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя:
620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7 (343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №4 (718), 2017 г.
Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,
выдано 18.08.2009 г.

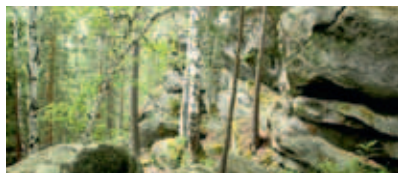
ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №4, 2017 г.
Отпечатано ООО «Силипресс», Свердловская область, г. Реж, ул. О. Кошевого, д.16. Телефон: +7 (34364) 33-66-5. Печать офсетная.
Тираж 11000. Подписан к печати 27.03.2017 г. Заказ №

Встречный ветер

Наши проекты

М.СЕМЕНОВ
Как заинтересовать
молодёжь изучать
историю? 3

Быть МОЛОДЫМ — здорово!

П.МИТОКЛЯЕВ, Ю.НАЗИМОВА
Нефильтрованное небо.
Шесть часов и одиннадцать минут
в воздухе 22

Страна топонимия

И.ГИЛЬМАНОВ
Озеро,
где живет аждаха... 6

Наши проекты

Е.ТАМПЛОН
Большой Макуш 20

Река времени

Дальнее-близкое

Е.ШУБНИЦИНА
Пятидесятые.
Приполярный
зимний 10

Природа на ладонях

О.БЕЛЯЛОВ
Куланы
Чингисхана 28

Литературное краеведение

Я.КУНТУР
Фото из семейного
альбома 18

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ
История России.
Река Чусовая.
Кумышанские
страсти..... 30

Клуб собирателей

В.ПОПОВ
Ордера
Льсьвенского
завода 36

Дальнее-близкое

Э.СОКОЛОВ
Гитара
в космосе 38

Тропой поиска

А.ПИЧУГИН
Остров Сосновый –
легенды и факты 43

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство МАП, индекс 31958
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

**Журнал
в журнале**

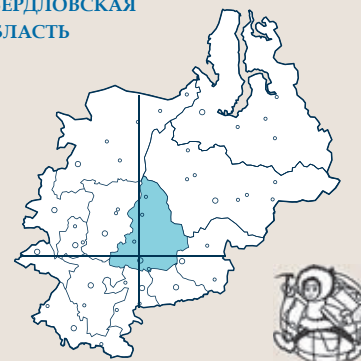
Как заинтересовать молодёжь изучать историю?

Михаил Семенов

Координатор молодежного движения
СО РГО.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

18 марта 2017 года в Екатеринбурге и 9 городах Свердловской области прошел молодежно-исторический квест-игра «Крымские подвиги военной истории всех времен». Её организатором выступил Молодежный клуб РГО, созданный на базе журнала «Уральский следопыт». Мероприятие прошло при поддержке и активном участии Регионального центра патриотического воспитания и Регионального отделения ДОСААФ России Свердловской области.

В подобном формате игра прошла впервые. Она состояла из 10 этапов, каждый из которых включал в себя теоретические и практические задания различных эпох Крымской истории. Идея провести столь масштабное мероприятие одновременно на нескольких площадках была предложена активистами Молодежного клуба РГО «Уральский следопыт». Руководством РЦПВ идея была поддержана. Тщательно были продуманы и подготовлены конкурсные задания. В их разработке участвовали преподаватели и студенты Уральского федерального университета и Исторического факультета Уральского государственного педагогического университета. Для реализации практических заданий были привлечены специалисты ДОСААФ, РЦПВ, компании ТОП-шоу, военно-исторических клубов, Медицинского колледжа, Уральского государственного университета путем сообщения.

В Екатеринбурге провести такой квест, учитывая большой опыт в организации и проведении молодежных фестивалей, «Уральскому следопыту» проблем не составляло. Но вот в Свердловской области, да еще и на нескольких площадках было сложно. В качестве главного места проведения игры было выбрано здание регионального отделения ДОСААФ России и 6 площадок общества по области. Организовывать и проводить игру в области предстояло специалистам ДОСААФ совместно с представителями РЦПВ в округах. Когда же начался сбор заявок от участников, оказалось, что желающих принять участие в проекте больше самых смелых ожиданий: в первый же день начала регистрации, для участия в квесте заявились 18 команд школьников и 5 команд студентов колледжей. Стало ясно, что здание ДОСААФ в столице Урала не сможет вместить столько команд. Организаторами было

Легенда игры

Исследователи Русского географического общества обнаружили в Крыму аномальную зону, где возникает временная турбулентность: возможны пересечения хронопотоков.

По заданию Президента Русского географического общества в аэропорт Симферополя срочно транспортными бортами направляется научное оборудование. Экипаж — 5 человек: командир корабля, добровольцы-исследователи, специалисты.

Приблизившись к точке назначения, самолет попадает в темпоральную дыру — возникают проблемы пространства-времени — и оказывается в нулевом портале. Здесь обнаруживаются переходы во временные зоны. Время беззащитно. Любой желающий может изменить ход истории и переписать все заново. Чтобы предотвратить временную катастрофу, необходимо собрать разбросанные в пространстве-времени минуты, перевести часы и, закрыв временной портал, восстановить привычный ход времени. Если собранных минут не хватит, экипаж рискует навсегда остаться в прошлом.

принято решение разделить участников в Екатеринбурге на две площадки. Школьники соревновались в Уральском государственном лесотехническом университете, а команды студентов и работающей молодежи — в ДОСААФ. В работу по организации квеста подключились преподаватели и студенты университе-

та, силами которых и была проведена игра для школьников.

Торжественное открытие квест-игры «Крымские подвиги военной истории всех времен» прошло одновременно на 11 площадках нашей области. В Екатеринбурге участников приветствовали: директор Департамента по молодежной политике Свердловской области Ольга Глацких, заместитель директора Регионального центра патриотического воспитания Галина Яковлева, Председатель Регионального отделения ДОСААФ России по Свердловской области генерал-майор Аркадий Воробкало и главный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим Фирсов. На местах в области игру открывали представители районных администраций, руководители структурных подразделений ДОСААФ и РЦПВ.

После открытия участники приступили к выполнению конкурсных заданий. Ребята изображали художественные картины, решали ребусы и кроссворды, искали ответы на сложные исторические вопросы, по фотографиям определяли исторических персонажей и памятные места. На практических этапах — вя-

Этапы игры

I. Херсонес — центр распространения христианства и византийской культуры на Киевскую Русь. Владимир и крещение Руси.

II. Времена присоединения Крыма: Екатерина II, Потемкин, Суворов.

III. Крымская война, оборона Севастополя.

IV. Морские победы Черноморского флота (Ушаков, Нахимов...).

V. Гражданская война (Перекоп, Сиваш).

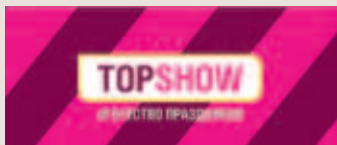
VI. Великая Отечественная война: Оборона и освобождение Севастополя.

VII. Керчь.

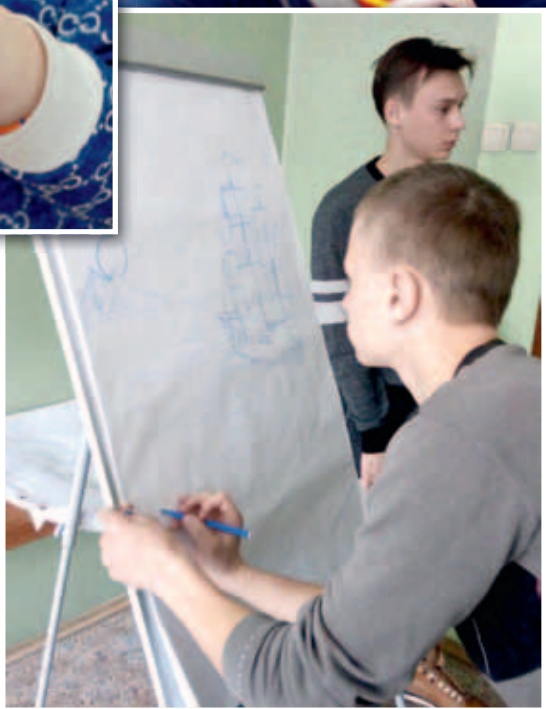
VIII. Ялтинская конференция.

IX. Батальные полотна русских художников.

X. Вежливые люди (ГТО).

зали узлы, рисовали картины, разбирали и собирали автоматы, отработывали приемы реанимации на манекенах, стреляли из лазерного и пневматического оружия, выполняли элементы ГТО. И участники, и организаторы узнали много нового из истории России, истории Крыма, интересно провели время, познакомились с командами из других городов и регионов. **УС**

**Участие в игре
приняли 132 команды
из 18 городов и поселков**

Команды представляли:
6 вузов,
18 колледжей и техникумов,
58 школ, гимназий и лицеев,
11 учреждений дополнительного образования.

В общей сложности в квесте было задействовано более 1200 человек:
участников квеста — 792 человека,
организаторов квеста — 320 человек.

Озеро, где живет аждаха

Три названия одного озера:
«Банное озеро», «Мауыззы», «Якты-куль»...

Пожалуй, я живой свидетель вымысла о происхождении топонима «Банное озеро». Автор «легенды» — наш сосед Хайритдин апа Карагужин. Это он впервые поведал магнитогорским школьникам «легенду» о том, что озеро называется Банным потому, что «Пугачев, следуя из станицы Магнитной в Белорецк, устроил тут своему войску помывку — «баню».

Предания нашего рода происхождение топонима объясняли иначе, а тогда в моей детской голове возник вопрос: почему же пугачевцы не купались в других озерах, расположенных рядом — Сабакты и Карабалыкты, где и вода теплее, и дно пологое, а выбрали Мауыззы, где вода всегда холоднее, а дно уходит вглубь от самого берега? Я спросил у отца. Отец улыбнулся: «Твой Хайритдин апа опять все выдумал. Пугачев-то шел не из Магнитной в Белорецк, а как раз в обратном направлении — из Белорецка в Магнитную. Недалеко от Улянды у него был бой с правительственным отрядом, выступившим навстречу Пугачеву

из Магнитной крепости. Южнее озера, за горкой, которую с тех пор называют Эрезив тубехе, стоял его резерв — «эрезив». Пугачев, как взял Магнитную, через Верхнеуральск, Троицк ушел в Челябинск — а у нас он и не был. Да и происходило это ранней весной, когда на Мауыззы ещё лёд лежит: кому бы в голову пришло в озере купаться...»

Все, что тогда, в пятидесятых годах, сказал мне отец, он знал только из устной истории нашего рода. И я имел возможность убедиться в достоверности этих сведений, прочитав замечательные труды И.М. Гвоздиковой. Итак, Пугачев наступал на Магнитную в первых числах мая. Отойдя всего на один

Ильдар Гильманов

Родился в башкирской дер. Кусимовой. Окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Инженер-механик. Увлекается краеведением, охотой. Живет в с. Зилаир (Башкортостан).

БАШКОРТОСТАН

Фото Галии Гильмановой

день пути от Белорецкого завода, где войско стояло почти целый месяц, пугачевцы якобы начали строить на озере многочисленные бани... Зачем им это?

С рождения я слышал только одно название озера — Мауыззы. Это название мог объяснить каждый наш деревенский: в переводе с казахского оно означает «аждахаль», т.е. озеро, в котором есть аждаха. До сих пор не знаю: «аждах» — то ли дракон, то ли змея гигантских размеров. Это чудовище, по преданию, могло проглотить целиком не только человека, но даже и корову или лошадь, могло принимать человеческий облик, а было ли оно способно летать — никогда не слышал. Думаю, что миф про «нашего» аждаху, который я слышал от моей бабушки, матери отца, будет интересен не только фольклористам.

«Один егет однажды на озере встретил очень красивую девушку. Она сидела на Ой-таше («дом-камень», на юго-востоке озера) и расчесывала свои длинные волосы. Выступающая в озеро часть еще называется Кыз ултырган таш — «камень, на котором сидела девушка». Егет влюбился в нее, девушка ответила взаимностью, егет привез её к себе домой и женился на ней. Но с этого дня в род егета пришла беда: стали исчезать люди и скот, внезапно и бесследно. Никто никого и ничего не видит, следы не остаются — похититель неведом. Все в страхе, только молодая жена егета ни о чем не беспокоится. Обратился егет к аулии (мудрецу), рассказал о внезапно обрушившейся напасти, попросил совета. Аулия велел егету незаметно от молодой жены круто посолить вечерний аш (пищу) и не оставить в доме ни капли воды. «Ночью только притворись спящим, а сам не спи — и ты все увидишь своими глазами. Запомни: саблю в ножны не вкладывай! Только от-

Горы Кыркты

рубив голову аждахе, избавишь свой род от беды». Егет сделал то, что велел мудрец. Ночью только притворился спящим, а у самого ушки на макушке. В самую полночь наевшаяся пересолённой пицци молодая жена тихо встает, ищет воду напиться, а куняки (ведра) все пустые. Не найдя воды в доме, красавица идет к колодезю, а егет крадет за ней, наблюдает. Вот его жена наклоняется, чтобы напиться прямо из колодца... Вдруг егет видит: это вовсе не девушка-красавица, а аждаха! Спустив голову в колодезь, воду пьет аждаха! Длинный змеиный хвост до дома егета тянется. Вот, оказывается, кто проглотил сородичей егета и столько скота! Тут бы пришел конец аждахе, отрубил бы егет ей голову, если бы он в полной мере слушался старших и все делал точно так, как ему говорили. А егет-то забыл предостережение аулии! Рванул он саблю из ножен, рубанул, но поздно: услышав звон вынимаемой сабли, аждаха отпрыгнула, и егет не отрубил ей голову, а только сильно поранил. Раненая аждаха кинулась к озеру, не переменяв облик, в образе очень большой

змеи, и нырнула в пучину. Егет только видел, какая аждаха большая: голова, наверное, уже середины озера достигла, а хвост еще на суше, все сползает в воду. Больше аждаха не показывалась людям, но она в озере и опасна. Пойдете купаться в Мауыззы, аслан (ни в коем случае — диалект.) не заплывайте далеко — аждаха может утянуть на дно. Чтобы не вредила людям, аждаху хочет забрать то ли Гайса — голягоссалям, то ли сам Хозай Тагеле (господь Бог). Видите, гроза все вокруг озера кружится: это ОН за аждахой пришел, но никак пока не может забрать». Действительно, в грозу создавалось впечатление, будто гром гремел и молнии сверкали именно вокруг озера. Но так казалось, наверное, потому, что дальний горизонт из нашей деревни открывался только в сторону озера Мауыззы, а со всех других сторон были горы.

Надо признаться, что слово «мауыз» занимало меня давно. Долго я искал его и не находил даже в словарях. А в студенческие годы парни-казахи, с которыми жил в одной комнате, назвали мне похожее сло-

Три озера рядом: Банное, подальше — Сабакты, дальше — Карабалыкты

во — «жалмауыз». По их словам, оно тоже означает сказочное чудовище, живоглота. Вспомнив о подобном слове у башкир — «ялмауыз», я решил, что наше озеро, возможно, первоначально называли Ялмауыззы, а потом в разговорной речи первый слог потерялся: «Мауыззы» произносится легче.

Поделился я своим открытием с народным поэтом Башкортостана Кадимом Аралбаем, который в свое время проделал гигантскую «полевую» работу по сбору материалов по шэжэре — родословной — башкир южных районов Башкортостана. Часть его исследований ныне известна как книга «Шэжэре Мамбетова рода». Естественно, что поэт гораздо лучше меня знал лексику местных жителей и сказал, что у башкир усергенского рода есть такое слово «мауыз», означающее «обжора», «ненасытный». И в подтверждение достал из своей библиотеки книгу нашего земляка, доктора филологических наук Зиннура Нургулина. Так я узнал, что стучался в уже открытые ворота.

Происхождение же русского названия в нашем роду связывают с одной трагической историей. На юго-западном берегу озера жил некий Сьуашбай, будто бы специально поселенный после Пугачевского восстания возле башкир. Они терпели-терпели доносчика, но однажды подкараулили его, когда он подплыл к берегу после рыбалки, и убили. У доносчика был перстень-печатка, по которому казаки узнавали его и везде пропускали. Увидев башкир, Сьуашбай понял, в чем дело, снял и забросил перстень далеко в озеро: «Пусть не попадет в ваши руки!» Чтобы скрыть следы, убийцы положи-

ли труп в баню и сожгли вместе с баней. Однако скрыть убийство не вышло: сын Сьуашбая, ушедший в лес за дровами, все видел. Поехал он в Магнитную крепость и привел карательный отряд. Казаки встали на развилке дорог у южного мыса хребта Аркырьгыр («поперечная гора, хребет»), перекрыв пути возможного бегства башкир в горы Кыркты. На лесопилке, куда наши прадеды в паводок по ручью сплавляли лес, заготовленный зимой на склонах ущелья Айыу-талаган («медведь ограбил»), каратели допросили распускавших бревна башкир. Но те не знали убийц. Тогда, «для настоящего розыску», каратели потребовали заложника. В заложники деревня определила Ишмухамета: «Иди ты, детей у тебя нет, плакать по тебе некому». Ишмухамета в быту называли «Ишкеей», ему было двадцать восемь лет, он был женат, но собственных детей у него не было. Каратели посадили Ишкею верхом на сук большой лиственницы, стали допрашивать. Избивали, к ногам подвешивали тяжелые сырые доски из лесопилки. «Кто убил Сьуашбая?» Ишкеей отрицал убийство: «Мы не убили» (я сохранил ломаный русский язык предания). «Чья кровь в лодке?» — Ишкеей отвечал: «Наверно, рыба кровь: Сьуашбай рыба ловил». «Если не убили вы, то как умер Сьуашбай?» Ишкеей твердил одно: «Баный топил, баный горел, Сьуашбай горел». Не получая нужных ответов, каратели подвешивали к ногам Ишкею все больше досок, били и, в конце концов, замучили до смерти. Отомстив смертью за смерть, каратели уехали. С этого случая и пошло у русских: «озеро, где была та «банная» история», «банное» озеро.

Со временем этот «обиходный» отличительный признак озера (а озер в нашем краю десятка полтора) превратился в его русское название. До описанного события, как видно из старых карт, русские называли озеро «Маузу» (1802 год), «Мауызды» (1825 год). А лиственницу, на суку которой принял смерть Ишмухамет, башкиры стали называть «Ишкеей аттанган карагас» — «лиственница, на которой Ишкеей сидел верхом». Позже слово «карагас» выпало, а «Ишкеей аттанган» стало названием поляны, где была лесопилка. К тридцатым годам прошлого века, когда брат-близнец моего деда Уйылдан апа показывал это место моему отцу (живой пример передачи истории рода от поколения к поколению!), от той лиственницы оставался только пень.

Я рассказал эту историю так, как она сохранилась в памяти нашего рода, и предостерегаю от разжигания вражды в наше время. Предки нам неподсудны, вся их жизнь — теперь наша общая история. Конфликт башкир с Сьуашбаем, я думаю, вряд ли имел отношение к отголоскам Пугачевского восстания, после которого прошло тогда уже больше полувека. Сегодня, когда у меня в руках восстановленное моим отцом шэжэре нашего рода, я могу почти точно назвать год события. Ишмухамет Султангалин был старшим братом моего прапрадеда Баймухамета, родился он, согласно ревизским сказкам, в 1806 году, плюс его возраст к моменту события — 28 лет, получается 1834 год. Убийство Сьуашбая, скорее всего, было связано с конфликтом между богатыми землевладельцами нашей деревни и казаками-переселенцами из Курской губернии из-за самых пло-

▼ Гора Карангылык. Весь видимый южный берег — «Сьуашбай биляне» («Владения Сьуашбая»). На переднем плане — дом отдыха «Березки»

▼ Истоки ручья Бесяй-Ульган, берущего начало в горах Кыркты и впадающего в озеро Мауыззы

дородных пашен. Примерно в эти годы на «смело захваченных», как гордо заявляли сами переселенцы, башкирских полях был заложен форпост Смелый, поэтому казаки и называли новое село Смеловским, наряду с более распространенным названием Курск.

Владельцы земли сопротивлялись. В нашем шэжэре упоминается, что старшина Динмухамет Мухаметрахимов (1800 г.р.) пытался воспрепятствовать наглому захвату: «так пнул ногой, что цепь землемера на куски разлетелась»... Вскоре вышел царский указ, фактически узаконивший самовольный захват башкирских земель.

Вполне возможно, что именно богатые землевладельцы нашей деревни стояли за убийством осведомителя казаков, в отместку за свои потерянные земли. На такую мысль наталкивает то, что в заложники был отдан Ишекей из самого бедного рода Каралар, а не кто-нибудь из рода хозяев земель. Под смертными пытками он не назвал убийц, потому что просто не мог знать,

кто и за что убил Сыуашбая. По этой же причине не сохранились подробности и в предании караларцев — как, например, в предании о топониме «Урыс кыуышы» («Ущелье русского»). С Сыуашбаем безземельные охотники и рыбаки уживались вполне мирно, на своем родовом озере караларцы сами отвели ему места для установки сетей. Большой участок берега, от санатория до места вытекания речки Мусык, которую теперь обозначают как Янгелька, называется «Сыуашбай биляне» — «владения Сыуашбая». ...Эту историю долгое время предпочитают не вспоминать, но, я уверен, именно ей обязан своим происхождением топоним «Банное озеро».

Третье название озера — «Якты-Куль» — совсем новое. Со строительством Магнитки на озере были построены два дома отдыха для металлургов, которые в народе называли «Большой дом отдыха» — на месте нынешнего санатория, и «Малый дом отдыха» — на месте «Юбилейного». Первый офи-

циально назывался «Дом отдыха «Банное озеро». Когда этот дом отдыха преобразовали в санаторий, название показалось неблагозвучным и появилось новое — санаторий «Якты-Куль». Насколько я помню, это название предложил главный врач санатория. Вода в Мауыззы действительно очень прозрачная, это известно давно. Отдыхающие бросали с лодок монетки, и видно было, как они падают до самого дна...

Связь названия «Банное» с пугачевскими банями весьма сомнительна ещё и потому, что Екатерина II специальным указом запретила любое упоминание всего, что было связано с восстанием Пугачева. Примеры тому — река Яик, крепость Верхояицкая, яицкие казаки, переименованные в Урал, Верхнеуральск, уральские (казаки). Запрет действовал до самой Октябрьской революции: в Башкирии даже наказывали за исполнение песен Салавата Улаева. А в картах середины XIX века озеро Мауыззы уже обозначено как «озеро Банное». **VC**

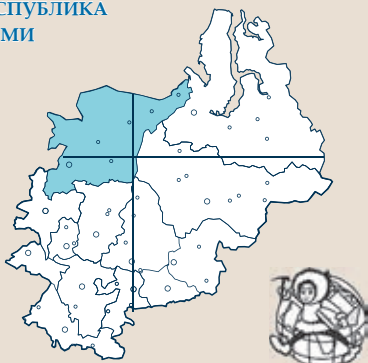
Пятидесятые. Приполярный зимний

Елена Шубницина

Кандидат технических наук. Более 15 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

В истории уральского зимнего туризма первого послевоенного десятилетия было немало ярких страниц, в том числе драматических, а иногда и трагических. Так сложилось, что самым известным событием тех лет, привлекающим внимание и в наши дни, стал трагический поход на Северный Урал дятловской группы в 1959 г., на котором, собственно, и закончилась «эпоха великих открытий 50-х». Однако в этом периоде было немало других знаковых путешествий, оставивших след в освоении Уральского Севера туристами и заслуживающих внимания. С несколькими такими историями, дошедшими до нашего времени благодаря их участникам, и хотелось бы познакомить читателя.

Фото из личного архива С.Н. Согрина.

Итак, страницы из истории открытия туристами зимнего Приполярного Урала в послевоенные (и после ГУЛАГовские) годы. Жанр этих рассказов можно определить, наверное, как «воспоминания с комментариями». Хотя описываемые в них события отстоят от нас уже более чем на полвека, многие изложенные в них факты до сих пор интересны и поучительны, а проблемы актуальны.

История первая. 1956: Зимой к Манараге и Народе

Рассказывает (и показывает) Сергей Николаевич Согрин, мастер спорта СССР по туризму (1959 г.), и альпинизму (1966 г.), автор «Уральского следопыта», недавно отметивший

▶ Василий Королев, руководитель группы

80-летие, а тогда — первокурсник УПИ. Мои комментарии и дополнения — курсивом.

Вступление. Урал Приполярный

Эта история — о событиях 60-летней давности. Тогда, в послевоенные годы, в стране, а особенно в студенческой среде, очень популярным стало занятие альпинизмом и спортивными путешествиями. По мере накопления опыта туристы стали прокладывать маршруты в труднодоступные и малоисследованные районы. Такой загадкой для нас был Приполярный Урал.

Из-за отдаленности района от подъездных путей, а потому и большой длительности путешествия, отсутствия сведений и карт редкие группы туристов решались посетить этот район. Каждый поход был открытием, познанием неведомого. К середине 1950-х всего несколько групп проложили там свои первые маршруты — и в основном летом, и о восхождениях на вершины помешляли далеко не все. Тем более зимой.

Первый послевоенный зимний поход на Приполярный Урал — к Сабле от ст. Сыня, с выходом в д. Аранец — был совершен в январе 1953 года группой МГУ под руководством Б.В. Москвина — позже известного журналиста, путешественника, редактора журнала «Турист», а тогда студента последнего курса журфака МГУ. Зимой следующего, 1954 г., к Сабле отправились уже две московские группы (МГУ и Института связи) и группа Саратовского университета — к Манараге по р. Косью. В 1955 г. в этот район вышло пять лыжных московских групп: четыре — к Сабле, одна — по Косью, с переходом по р. Нидысей и выходом на ст. Кожим. Следующей зимой, 1956 г., на Приполярный отправились уже семь групп: две — к Сабле, пять — к Народной: в их числе и сборная Свердловска, о которой идет рассказ.

К середине 1950-х группы туристско-лыжников продвинулись в район Манараги-Народной, и в уральском туризме возникло своеобразное соревнование: кто первым взойдет на эти вершины зимой.

Зимой в Приполярье

Зимой 1956 года сборная команда Свердловска под руководством Василия Королева поставила сложную по тем временам задачу: проникнув

в самый центр Приполярья, совершить в зимних условиях восхождения на высшую точку Урала гору Народу и красивейшую вершину Манарагу. В составе сборной, состоявшей в основном из студентов Уральского политехнического института, оказался и автор настоящего очерка — первокурсник метфака УПИ, самый молодой в группе.

Сейчас такие путешествия называют экстремальными. Тогда мы даже такого слова и не слышали. А ведь подобные путешествия тех лет были действительно экстримом, и весьма опасным. В отличие от сегодняшней экипировки, мы имели деревянные лыжи и палки, которые легко ломались, тяжелые брезентовые палатки и рюкзаки, обычные лыжные ботинки да ватные телогрейки, спальные мешки — в лучшем случае ватиновые, а чаще просто одеяла.

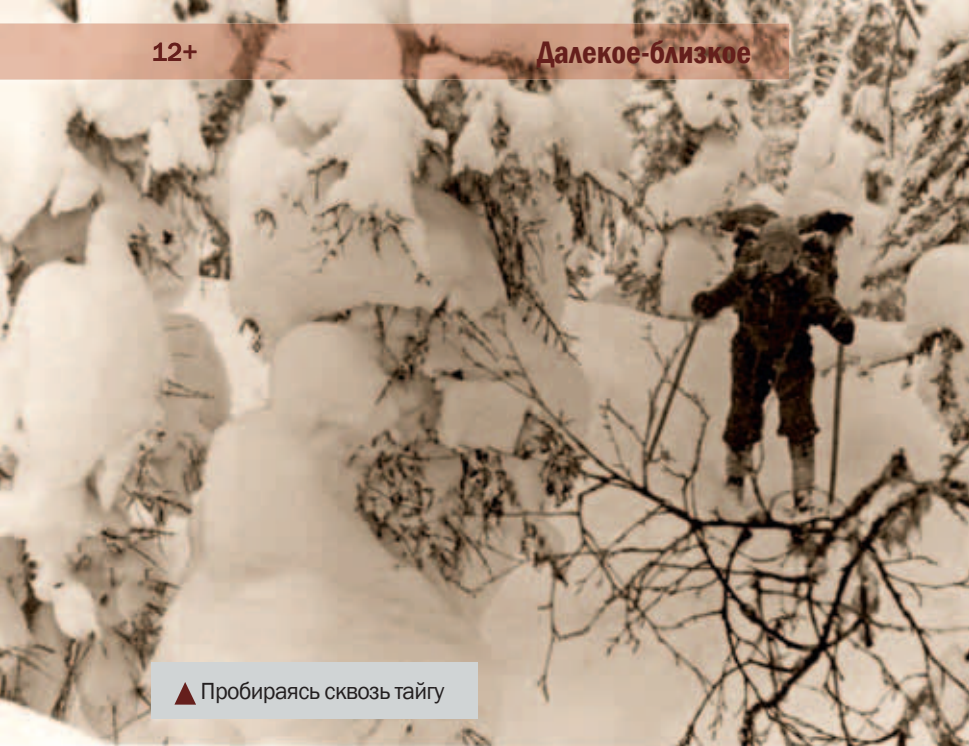
Начало пути

В феврале 1956 года мы добрались из Свердловска до станции Косью Северной железной дороги в общем вагоне поезда — с пересадками в Кирове и Котласе, далее по печально известной трассе Ленинград Воркута. И сразу — первое «крещение»: весь вагон покрыт изморозью, термометр показывает минус 56. В воздухе слышно потрескивание: такой звук издают пары от нашего дыхания, тут же превращаясь в мельчайшие льдинки.

На следующий день вышли на лыжах вверх по реке Косью. Свой груз решили погрузить в сооруженную

▼ Страница из альбома: первые дни. Выход вверх по Косью, проблемы с волокушей

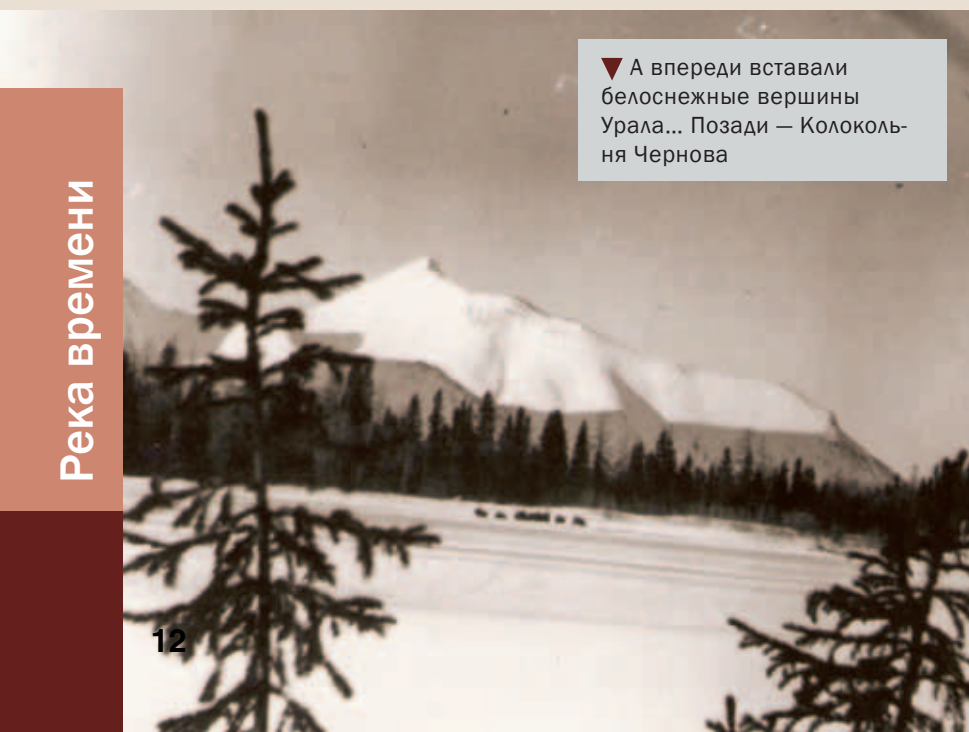

▲ Пробираясь сквозь тайгу

▼ Обход наледи вдоль берега по кромке снега

▼ А впереди вставали белоснежные вершины Урала... Позади — Колокольня Чернова

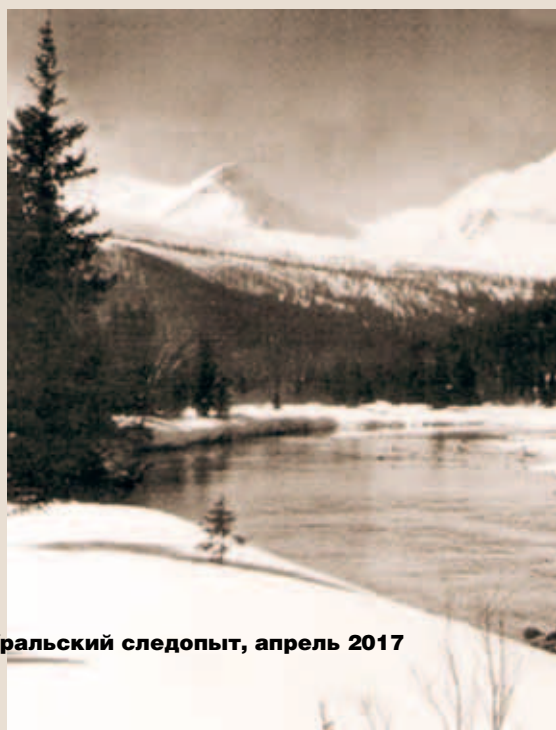
из лыж волокушу, для движения которой пришлось прилагать немалые усилия. Но на первых же километрах она попросту прекратила свое существование: наши «деревяшки», как мы называли лыжи, сломались, и пришлось 40-килограммовые рюкзаки взвалить на свои плечи.

Через 50 километров, дойдя до впадения в Косью Вангыра, заночевали в охотничьей избушке. Хозяина не было. По таежным традициям, оставили благодарную записку и какие-то продукты.

А дальше — никакого жилья: тайга, снега, морозы, ветер. И впереди — белоснежные вершины Урала. Замерзшая Косью вела нас к цели.

Местами на реке был чистый зеркальный лед, и приходилось прижиматься к берегу, где лед был немного припорошен снегом.

На быстринах вода не замерзала, и в таких местах река готовила нам «ловушки»: вода просачивалась под снежным покровом, и ноги оказывались в снежном «болоте»: прилипающий к лыжам снег делал их пудовыми, и приходилось останавливаться и долго соскабливать лед и снег ножом.

◀ Вид на верховья р. Косью. Впереди — знаковые вершины Большого Урала: Янченко, Югра, Мансинер, Блюхера, Защита

▶ Вот она — Манарага

Толло Григорьева привлек необычный сугроб на ровной снежной поверхности реки. Подойдя ближе, разглядели картину произошедшей здесь трагедии. Над ледовой поверхностью реки возвышалась голова лося с огромными рогами — бедняга вышел на реку по неокрепшему льду, тот провалился, и выбраться лось не смог — так и вмерз в полуметровую толщу льда. Трудно представить, какие муки и отчаяние испытывал этот гигант от своего бессилия и медленной смерти. Хоть и зверь, а хотелось снять шапки.

Через несколько дней дошли до Манараги, обустроили лагерь: здесь предстояла не одна ночевка.

На Манарагу вышли рано утром. Пока был лес, шли на лыжах, утопая в снегу. Выше леса наст оказался настолько плотным, что пришлось идти пешком. Лыжи оставили, воткнув их в снег для ориентира при возвращении.

Недаром Манарага в переводе означает «Медвежья лапа»: её скальные когти венчают вершину протяженной грядой. Снизу трудно было определить, какой из зубьев этой скальной гряды наивысший. Хотели подняться хоть на один из них, но... Скальные стены, глубокий снег и сыпучая изморозь, облепившие скалы, делали подъем невозможным без альпинистского снаряжения. Да и опыта подобных вос-

хождений у нас тогда еще не было. Благоразумие взяло верх над чувствами: от дальнейшего подъема отказались.

На следующий год группа свердловчан под руководством В.Г. Карелина сделает новую попытку взойти зимой на Манарагу — и снова безрезультатно. К сожалению, подробностей этого похода нигде не опубликовано. Может быть, Владислав Георгиевич, давний автор журнала, найдет время рассказать на страницах «Следопыта» эту историю? «Покорить» Манарагу в зимних условиях удастся только в 1958 г. группе из Казани.

На Манарагу мы поднимались в хорошую погоду и слабый морозец — не более двадцати. Но на следующий день резко похолодало, поднялся ветер, началась метель.

Тем не менее, все-таки вышли к подножию Народы. Общая картина местности сильно изменилась: по сторонам — выходы скал, редколесье, дров для костра практически нет. Делаем небольшой запас дров, утяжеляя свои ноши. А кругом заснеженные склоны самого высокого поднятия на Приполярном Урале... Впереди уже виден широкий мощный массив Народы. Невольно рассматриваем склоны, намечая наиболее простой и безопасный путь на вершину. Из нас на ее вершине побывал только Вася Королев — двумя годами раньше, летом, в составе сборной команды Свердловской области под руководством Е.П. Масленникова. Но зимнее восхождение — это не летнее: далеко не каждый летний маршрут

◀ На перекатах река не застывает даже при минус 40 градусов. В центре — гора, которую потом назовут Колокольней Высоцкого

▶ А вершины совсем уже рядом

▲ В районе устья р. Юнковож. Манарага в профиль

▼ В лагере под Манарагой

подъема приемлем и безопасен в зимних условиях.

Поход группы Свердловского турклуба под руководством Е. Масленникова был самым значительным в летнем сезоне 1954 г. (22 дня, 425 км, цель — восхождения на высочайшие вершины Урала). В июле-августе группа из 14 человек прошла по маршруту д. Аранец — г. Сабля — р. Вангыр — р. Косью — г. Манарага — г. Народная — ст. Косью. Для перевозки продуктов в Аранце была нанята лошадь, затем у оленеводов под Саблей — упряжка оленей. Хотя из карт у группы была одна «миллионка» (на которой, к слову, район Народной вообще отсутствовал), это не помешало совершить восхождения на Манарагу (4 зуба из 6), Народную (первое послевоенное восхождение) и пик Урал. Подробно об этом путешествии можно прочитать в книге-путеводителе Е. Масленникова «Путешествия по Уралу» (вышла в 1956 г. в Свердловске тиражом 10000 экз.) и его же статье в «Уральском следопыте» «Где ты, гора Колокольня?» (1976, № 9).

В редколесье, у последних чахлах деревьев, устраиваем ночлег.

На вершину пошли в сильный мороз — за тридцать. Все бы ничего, к морозам уже привыкли — но поднялся штормовой ветер, бросающий в лицо порции колючего снега. Порывы достигали двадцати метров в секунду (у нас был специальный прибор-вертушка, полученный от Гидрометцентра, с заданием вести в походе наблюдения, регистрировать погодные условия).

Несмотря на систему спортивных разрядов по туризму, цели и задачи походов 1950-х, как и в довоенное время, оставались не только спортивными, но и научными — сбор сведений по географии, геологии, ботанике, зоологии. На протяжении всего маршрута составлялись подробные кроки местности, велись дневники, собирались гербарии, коллекции минералов и горных пород. Зимой гербариев и коллекций не собирали, но вели, как видим, наблюдения за погодой.

▲ Все выше и выше. Снег плотнее, склон круче, вершина ближе...

▲ К гребню Манараги

◀ Лыжи на склоне Манараги. На заднем плане — Колокольня Масленникова (будущая) — в центре, «Пик свердловских туристов» (будущий) — справа

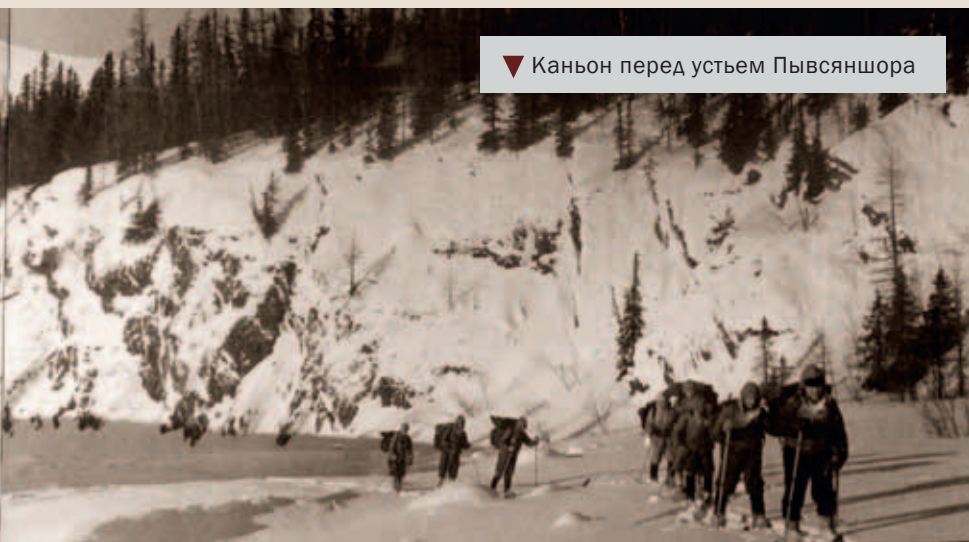
все тяготы зимнего путешествия в этот забытый богом край.

Первое зимнее восхождение на Наро-ду было, таким образом, совершено 9 февраля 1956 г. Буквально на следующий день на вершину поднялась московская группа, шедшая с восточной стороны; другие группы направлялись к Народе от Кожима, по р. Балбанью. Но свердловчане успели всех опередить.

А впереди был долгий и не менее трудный путь назад. Чтоб не возвращаться тем же маршрутом по Косью, нашли понижение в водоразделе Косью с бассейном Вангыра, прошли этот перевал — с большой осторожностью, чтобы не вызвать лавины. Если со стороны Косью подъем был простой и короткой, то к притоку Вангыра спуск оказался достаточно глубоким и крутым. С тяжелыми рюкзаками спуститься было проблематично. Рискнули отправить их своим ходом: они удачно и без потерь улетели глубоко на дно ущелья.

Участники, судя по всему, перешли по р. Юнкобож в верховья притока Вангыра р. Хароты, спустившись по ней на Вангыр и далее до Косью. «Понижение» — перевал Харота, или Мужичий (№ 156 по классификации Н. Рундквиста), действительно крутоват на спуске.

В долине Вангыра мы наткнулись на несколько вырубок леса, с площад-

▼ Каньон перед устьем Пывсяншора

От обморожения лица спасали подшлемники, списанные с воинских складов и поступившие тогда в продажу.

Снаряжение тех лет — с чем ходили зимой на Урал, в чем это носили, как одевались, питались и т.д. — тема отдельная и очень интересная, заслуживающая отдельного рассказа.

На вершине

Найденные в каменном туре записки предыдущих групп говорили о том, что восходителей было не так уж и много; зимних не значилось, так что, скорее всего, мы оказались здесь зимой первыми. Это вызывало дополнительные эмоции — гордость, что не зря преодолели

◀▶ Дальше — неприступные скалы. На заднем плане — Колокольня Высоцкого (в центре), Колокольня Центральная (справа). Слева — будущий «Пик свердловских туристов»

▲ Прощай, Манарага... На этот раз ты оказалась сильнее

ками за колочей проволокой и барак-ком посредине, который трудно было назвать человеческим жильем. Здесь совсем недавно гибли от морозов, цинги, непосильного каторжного труда узники ГУЛАГа, составлявшие порой цвет и гордость российской нации. Печальное и позорное прошлое нашей истории хранят просторы Приполярья...

На Вангыре, по рассказам, находилась так называемая «подкомандировка» женской зоны, где велась добыча березового дегтя из коры. Следы таких зон можно встретить здесь и в наши дни. К этой «печальной и позорной» теме в рассказах об истории и географии Печорского Приуралья нам еще, увы, не раз придется вернуться.

На обратном пути в избушке у устья Вангыра застали хозяина, пригласившего нас снова переночевать у него. После полевых таежных ночевок на холоде в нагретой избушке было так жарко, что мы изнывали от этого расслабляющего тепла и не могли уснуть.

Про старовера Алексея Мезенцева — хозяина Вангыр-Вома — уже писалось в рассказе о реке Вангыр в прошлогоднем октябрьском номере «Следопыта»: через его избушку проходили все туристские группы, заходившие и выходявшие по Вангыру и Косью. Сейчас на этом месте располагается туристский приют и кордон Национального парка.

По возвращении домой в Свердловск через некоторое время Вася Королев получил письмо от москвичей. Они сообщали, что их группа туристов через день после нас поднялась на вершину Народы, где, к своему разочарованию, обнаружили нашу записку. Они, как и мы, намеревались быть первыми на высшей точке Урала зимой. Их путь пролегал от Саранпауля, а потому поднимались они на вершину с востока, из долины реки Народы. Наш же подъем лежал с запада.

За зимний сезон 1957 г. в районе Народы побывало уже более 10 групп, больше всего из Москвы; часть из них поднималась на вершину. К концу пятидеся-

▲ Лагерь на границе леса, перед восхождением на Народу. Палатка — традиционная для зимних походов тех лет длинная брезентовая двускатка, сшитая из двух «двушек»; ставилась на бамбуковые лыжные палки

▲ Подъем по Юнковожу и переход через перевал в Хароту

▲ На вершине Народы. Слева — М. Аксельрод, в центре — С. Согрин, справа В. Королев читает записки

◀ Подъем на вершину Народы. На заднем плане — г. Янченко. На снимке правый — С. Согрин

тых этот район был уже прочно освоен — и пешеходниками, и водниками, и лыжниками.

Так начиналось освоение туристами зимой Приполярья.

Мне остается лишь назвать имена участников нашего путешествия.

1. Королёв Василий — руководитель, студент УПИ,

2. Аксельрод Моисей — студент 5 курса УПИ,

3. Будрин Алексей — студент 5 курса УПИ,

4. Дмитриев Леонард — студент 5 курса УПИ,

5. Согрин Сергей — студент 1 курса УПИ,

▼ Вангыр-вом — изба Алексея Мезенцева в устье р. Вангыр. У входа — охотничья нарта-волокуша

6. Карасёв Валентин — студент УПИ,

7. Григорьев Анатолий — выпускник УПИ,

8. Цуканов Евгений — инженер Уралмашзавода,

9. Шгуц Дмитрий — студент Свердловского медицинского института.

Отдельно хотелось бы сказать о фототрафиях. Фотосъемка в походных условиях зимнего Приполярья — тема особая: нехитрые «Смены» и «ФЭДы» замерзали, отпотевали; на сильном морозе лопалась пленка... Тем не менее, многие фотографии из этого путешествия просто замечательны — особенно с восхождения на Манарагу, и авторы их заслуживают нашей благодарности. Сергей Николаевич вспоминает, что фотоаппараты в группе были у двоих или троих; приведенные здесь снимки сделаны, вероятно, А. Григорьевым и А. Будриным. Походные фотографии дают нам не только возможность увидеть события тех далеких лет глазами участников, но и много интересного материала о ландшафтах, памятниках природы, походном быте, местных жителях. А вообще, интересно было бы почитать чьи-то воспоминания на тему зимней походной фотосъемки того времени... **УС**

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

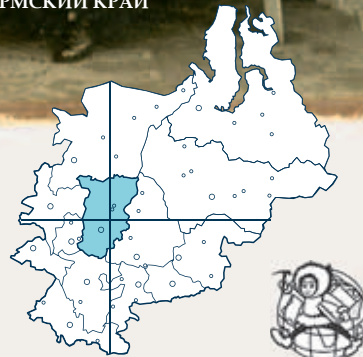

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Ян Кунтур

Родился в Перми. Окончил филфак Пермского госуниверситета. Работал в разных СМИ редактором газеты и журнала, литсотрудником издательства. Первый сборник стихов и прозы, переведенных на венгерский язык, «Книга на грани жизни» (2013), вышел в Будапеште, где автор сейчас и проживает. В Перми была издана книга лирико-краеведческих очерков «Пленники города» (2012). Два очерка были напечатаны в нашем журнале.

М.В. Малиновкину

1.

«Тревожное у нас нынче время, непонятное.
Оно вибрирует часто-часто в груди,
словно что-то просится оттуда на волю,
но не находит выхода.

И от той вибрации просто невыносимо жить в этой,
быстро меняющейся на глазах
повседневности.

Мой дорогой, хоть и совсем незнакомый внучатый племянник,
на этом фото, с которого я, отец, брат
и сестрицы со своими малютками всматриваемся в тебя,
ты не увидишь ни подписи, ни даты,
но можешь определить ее
по моему белому эмалированному кресту
с императорским венцом и орлиными крыльями —
это Знак успешного окончания школы прапорщиков.

Не знаю, могу ли я быть горд этими
новоприобретёнными полуофицерскими погонами
российской армии,
но они позволяют мне чуть выше приподняться
во время боя с германцами

над всеми серыми шинелями...

чуть-чуть...

ту самую малость,

которая позволит первому принять пулю...

Младшие командиры этой войны

живут на передовой не более двух недель.

Те, кто продержится дольше — счастливичики, а тем более те,
кто получил легкое ранение и попал в тыл.

Но, видит Бог, своей семье я не опозорю,
ни памяти давно покойной маменьки...

...уже почти не помню ее...

...хорошо, отец пока крепок и уверенно стоит

на своих инженерских ногах

при хорошей должности, позволяющей жить чуть выше среднего,
иметь гимназическое образование...

Правда, Коле еще учиться и учиться, — всего 13 лет,

но и он уже недаром ест отцовский хлеб —

нанялся рассыльным к Каменским, всё-таки какой-то доход.

Старшие сестрицы вроде бы успешны

и счастливы в замужестве...

Только младшенькая, наша милая Лидушка,

еще пока в 3-м классе гимназии...

Но ты же лучше меня знаешь судьбу своей прабабушки...

да и всех нас, живущих в этом тревожном
и непонятном и постоянно вибрирующем
времени
третьего года Германской войны.
Скоро мне на фронте, верю, что нам удастся победить
и Коля всё-таки избежит моей участи.
Вспомни обо мне,
мой дорогой, хоть и совсем незнакомый внучатый племянник,
когда будет уже некому вспоминать,
хотя бы через век.
Я тоже часть тебя».

2.

Поздно я родился.
Увы, слишком поздно.
И еще позднее услышал это некогда ненаписанное обращение ко мне,
когда сам уже был отцом
и когда поколение моей бабушки,
выросшее в СССР и воспитанное как надо,
почти забыло рассказы своих матерей.
Что помнило — невольно искажило до противоположности.
А о чем-то просто не знало.
Факты в их головах путались, менялись местами так,
как казалось желаннее и правильнее,
что-то дорисовывалось, что-то перечеркивалось и замазывалось.
Даже определить, кто есть кто
на этом дореволюционном фото,
кроме отца семейства и моей собственной прабабушки,
было почти невозможно.
Бабушкины перечисления сбивались
и путались под тыкающим пальцем,
смешивая детей и внуков:
«Тетя Аня, тетя Маня... тетя... м-м-м...
Лёля, тетя Вера, тетя Зина...
дядя Коля, дядя... да... Миша...»
Только спустя годы я понял,
что две девочки в кружевных платьицах
не сёстры, как утверждала бабушка, а уже дочки сестёр.
Про Михаила бабушке с трудом удалось выскрести из сусеков
только, что жил потом где-то в Краснокамске
и сначала вроде бы руководил строительством,
а потом и работой ЦБК «Госзнак».
Сначала я поверил ей, но это оказалось преувеличением, легендой.
И никаких других фактов.
Её брат, дядя Юра, подтверждая проживание
в Краснокамске и связь с ЦБК,
был на 100% уверен,
что в 1942-м дядя Миша ушел добровольцем
на Отечественную войну
и там погиб.
Тогда ему должен был идти уже пятый десяток,
как мне сейчас.

3.

Многое понял,
когда в «Книге памяти жертв политических репрессий
Пермской области»,
изданной «Мемориалом»,
я нашел две записи:
«Малиновкин Михаил Васильевич

Родился в 1894 г., г. Горький; русский;
Проживал: г. Краснокамск, Пермская обл.,
Арестован 27 июня 1941 г.
Приговорен: 21 августа 1941 г., обв.: антисоветская агитация.
Приговор: 10 лет лишения свободы».
«Малиновкин Михаил Васильевич

Родился в 1896 г., г. Горький; русский;
Проживал: ИТЛ Соликамстроя НКВД.
Арестован 9 января 1942 г.
Приговорен: 16 мая 1942 г., обв.: антисоветская агитация,
контрреволюционная агитация.
Приговор: ВМН (высшая мера наказания)
с заменой на 10 лет лишения свободы».
Скорее всего, один и тот же человек,
только спутаны даты рождения.
И родился не в Горьком, а еще тогда в Нижнем Новгороде.
По другому источнику удалось выяснить,
что был инженером-электриком,
на Краснокамском ЦБК...

...Краснокамск строили на пустом месте
тысячи эзков, раскулаченных, спецпоселенцев,
одновременно и завод, и ТЭЦ, и город.
А после успешного запуска началась охота за шпионами:
69 человек (расстреляны).
Всего репрессировано 1317 человек
(356 расстреляно, 40 умерло при следствии).
Из них 369 человек осуждены за антисоветскую агитацию.
Под репрессии попало всё руководство ЦБК и ТЭЦ-1,
вплоть до директоров Горячева и Хорошева,
как руководителей «троцкистско-зиновьевской группировки»,
первый сослан на 8 лет, второй — расстрелян.

Так и Малиновкин в августе 1941 г. загремел в ГУЛАГ на 10 лет,
в Соликамский исправительно-трудовой лагерь,
не очень далеко от прежнего места,
и работа похожая:
мастер по электрооборудованию на строительстве другого ЦБК,
но уже как бесплатная рабсила, ЗэКа.
Здесь 16 мая 1942 года он был повторно осужден,
уже за контрреволюционную агитацию,
и приговорен к «высшей мере»,
но расстрел был заменен, возможно, как нужному специалисту
на дополнительные 10 лет...
Дальше моя информация обрывается.
Видимо, этого срока он уже не выдержал.
От его племянников, детей красного командира
Гражданской войны
(тоже попавшего под удар, но не сильно),
настоящая правда была скрыта.

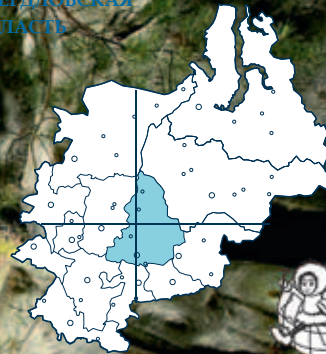
*

Дореволюционное фото.
Солидный бритоголовый мужчина с усиками —
в центре большого дружного семейства.
Три сестры в похожих темных платьях
с большими вышитыми белым по белому воротничками.
Две девочки-снежинки — у их колен.
Подросток в толстовке,
подпоясанной форменным ремнём с большой пряжкой,
еще чуть-чуть и рассмеётся.
Совсем юная девушка с внимательным настороженным взглядом.
Молодой высокий стройный прапорщик
с памятным нагрудным знаком.
Михаил Васильевич.
Дядя Миша...

И у нас сегодня тоже тревожное непонятное время.
И так нестерпимо вибрирует оно в груди,
словно что-то просится оттуда на волю
и не имеет выхода...
Найдется ли через 100 лет кто-нибудь,
кто сможет вспомнить обо мне...
Вообще, найдётся ли кто-нибудь... **УС**

БОЛЬШОЙ Макуш

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Тамплон

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

Встречный ветер

▲ Вдоль правого берега реки Исети и озера Мелкого, от Исетского озера до участка ЕКАДа, соединяющего Московский и Серовский тракты, идет грунтовая дорога, устроенная для обслуживания водовода, подающего воду из Волчихинского водохранилища на Среднеуральскую ГРЭС. Лес между этой дорогой и заболоченным берегом Исети, несмотря на близость к Екатеринбургу, посещается туристами редко и благодаря этому во многом сохранил свой естественный облик. Здесь есть несколько довольно высоких увалов с каменными останцами, типичными для Верх-Исетского гранитного массива. Но, в отличие от популярных мест, где скалы буквально отполированы многочисленными туристами, местные останцы покрыты мхами и папоротниками, что, вкупе с вывороченными с корнями деревьями, придает им сказочный, первозданный вид. Ближе всего к ЕКАДу находится массив Большой Макуш, представляющий собой три скрытые сосново-еловым лесом каменные гряды. Ближняя к дороге гряда самая высокая и труднодоступная, её вершина поднимается над уровнем подошвы на 15–20 метров. На ней пока не выявлено археологических памятников, но она интересна экзотическими формами выветривания гранита. На вершине следующей гряды можно найти крупную чашу, свидетельствующую о деятельности древних металлургов. Здесь же, только у подножия, есть уникальное образование — культовая площадка, ограниченная с трех сторон крупными монолитами. На внутренней поверхности одного из них, в нижней части, хорошо заметна рельефная форма, очень напоминающая человеческое лицо. «Лицо» имеет естественное происхождение, но с большой долей вероятности можно утверждать, что у древних обитателей этих мест оно использовалось как объект поклонения.

Нефильтрованное небо

Начало в «УС» №№ 2 и 3 за 2017 год.

Шесть часов и одиннадцать минут в воздухе

Трос побежал по траве, выпрямился и натянулся, упираюсь, жду, когда тяга станет предельной. Пошёл. Пара шагов, рывок крыла за спиной, взлёт.

Сколько лет летаю, никак не могу привыкнуть к старту с лебёдки. Руки на автомате, отрабатываю крен, вывода крыло на трос, начинается набор. Я проделывал это сотни раз, на разных крыльях, на разных лебёдках, и каждый раз пульс учащается, изменяется дыхание, выбрасывается адреналин.

Сейчас адреналин – это хорошо, становишься сильнее, быстрее, а главное – всё внимание собрано на взлёте, остальное не важно, остального нет, только я, крыло, трос, небо.

Тянемся. Высота на приборе растёт. Алексей тянет плавно, но уверенно. Вхожу в поток, укрыло уходит назад, варик переходит на визг, а отцепляться-то рано, машина сбавляет скорость, давая возможность мне пройти эту зону с минимальной тягой, этот поток не будет долго жить, отцепишься, развернёшься, а его там нет, он уже ушёл, и мы это знаем, слава Богу, хоть

что-то знаем. Лёша будет тянуть меня, пока позволит трос и дорога, большую часть пузырей над дорогой сорвёт он сам, своей машиной, вряд ли я смогу в них набрать много высоты, а высота мне нужна, мне нужен поток, который даст мне высоту, поэтому тянемся, тянемся, тянемся.

Машина встала. Отцеп. Можно выдохнуть, буксировка закончена, а нолик есть, это хорошо, можно отвисеться, не теряя высоту, посмотреть, что вокруг творится, уже с высоты.

Сегодня договорились с Андреем лететь вдвоём.

Он взлетел на двадцать минут раньше меня, уже набрался и ушёл в сторону трассы на Месягутово. Мне догонять. Нолик, где меня оставил Алексей, очень кстати, будем с ним дрейфовать в поисках потока побыстрее, а пока тихонечко обкручиваю то, что есть. Хочешь быстро лететь – не спеши. Начало дня, погода ещё не быстрая, поторопишься, сядешь, а мне сейчас садиться не хочется, у нас с Андреем планы грандиозные: Месягутово – Новобелокатай –

Большеестькиинское. Вряд ли мы сегодня их выполним, но попытаемся, мы даже крылья одинаковые взяли: Dudek Optik 26.

Только вот Андрей, торопыга, уже по маршруту ломанулся, причём над трассой. Я над трассой не пойду, я пойду с другой стороны реки, там облака есть, а значит, есть и погода, тем более что поток ускоряется и ложится в сторону облаков, а то, что там дорог подбора не много, так сам сяду, сам и выйду. Для меня сейчас важнее, что там есть погода, я ведь сейчас не совсем человек, хотя ещё совсем не птица.

Так что кручу не спешу. А вот и первый сюрприз, ветер по высоте поменял направление, боковик, однако, слабый, не страшно. А Андрюха попал, ему теперь против ветра зарезаться придется. Ну да ладно, не маленький, справится, он уже дальше меня и высоты у него поболее.

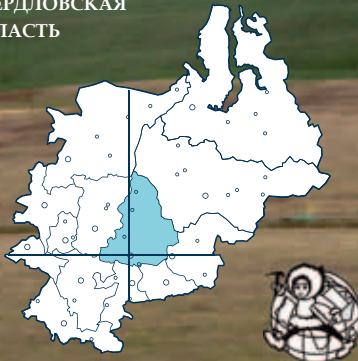
В воздухе нельзя сказать что-то точно, но я делаю вид, что точно знаю, что происходит, и уверенно лечу в сторону растущего облака с красивой маленькой башенкой. Уже без башенки. Что-то подо-

Павел Митюкляев

Старший инструктор. Летает на парaparane более 20 лет. Топ-пилот Свердловской области. Участник и призёр многочисленных российских и международных соревнований. Имеет огромный опыт равнинных и горных полётов на парaparane.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

шва форму теряет. Ну вот, я прилетел к развалине, а высоты-то сколько слил! О! Нолик! Живём пока! Андрея мне так не догнать, но нолик — это всё, что у меня есть. А почему нолик? Честные плюсналь пять. Плюс один. И вспышка нового облака над головой. Кручу. Собираю каждый метр высоты, земля всё дальше, облако всё ближе. Не быстро, но уверенно. А тут ещё станция

А н -

дрю-
ш и -
ным го-
л о с о м
гов о р и т,
что он идет
на посадку
к трассе. Ну вот,
торопыга, групповой полёт не вышел, лечу один.

Достал до кромки облака, переход к следующему. Уже Месягутово видно, что-то долго я лечу: два часа, а прошёл какие-то 30 км. Ладно, не спешим, крутим.

На краю Месягутово растёт башня, тригер под ней есть, ну что же? Рискну. Облако растёт, там наберусь и пора на Новобелокатай поворачивать, хотя в эту сторону небо чистое. Неее, в голубую дыру я не полезу, пойду облаками, а там видно будет.

Акселератор на полную, скорость по GPS не особо растёт, ветер встречный, высота тает, нервы на пределе, снова адреналин. Есть поток или нет потока — вот в чём вопрос! Время еле движется, высота стремительно падает, тригер никак не хочет приближаться.

Плюс два, сразу, сходу. Поисковая спираль, плюс три, протяжка в сторону подъёма, плюс пять, корпус вправо, крыло на нож, вот теперь адреналин по-настоящему: погода пошла, надо гнать, голова пуста, мыслей нет, набор под кромку и переход. Снова набор под кромку, потоки быстрые и рваные, крыло ходит ходуном, терпеть, гнать, единички не крутим, только больше трёх.

Вот уже и Верхние Киги, можно поворачивать на Белокатай. Стоп, а что это за такая спокойная и ров-

ная троечка, с чего это такое счастье? Сколько времени-то? Почти пять, полгода пошла на убыль, до Белокатай я уже не доберусь, а если сунусь туда, выбираться буду долго, хоть я уже и не человек, но совсем ещё не птица. Возвращаюсь в Месягутово.

Долго, нудно, а что делать, пик погоды не вечен, сейчас спешить уже некуда, чем дальше я пролечу до автостанции, тем меньше мне идти пешком. Потому крутим каждый поток, что попался на пути, не спешить и не сдаваться. Руки уже болят от усталости, терпеть, опять терпеть. Вода в питьевухе закончилась, немудрено, шестой час в воздухе. Лечу. Медленно, неспешно, собирая по пути каждый метр. До Месягутово уже не долетаю, надо было раньше разворачиваться, но делать уже нечего, пять километров до окраины городка по воздуху, считай десять по земле.

На земле жара, ветра нет, идти не близко, бреду уже больше часа, в месте посадки сотовой связи нет, радиостанция не добивает до старта, так что иду, хуюею.

Чудо случилось в полвосьмого. Божественно белая колесница с двумя демонами на борту меня нашла: Андрей и Санчес, наш повар.

Еду молча, 6 часов 11 минут, так долго я ещё не летал, не самый эмоционально насыщенный полёт в моей жизни, но всё равно я счастлив и спокоен, просто сижу и улыбаюсь, похоже, я всё-таки уже не совсем человек. **УС**

Жизнь надо наполнять событиями!

Я никогда не мечтала летать.

Но так звёзды встали.

Теперь мне ничего больше не остаётся, как сказать: «Меня зовут Юлия и я одержима полётами на парашлане».

Один мой хороший друг говорит: «Жизнь надо наполнять событиями!» И под этим девизом в 2011 году я поехала на «Небесную Ярмарку».

«Небесная Ярмарка» – это фестиваль воздухоплавания в Кунгуре.

Собирается фестиваль,

в первую очередь, экипажи тепловых аэростатов – воздушных шаров, затем различных представителей СЛА.

В 2011 году фестиваль был юбилейным, 10-м по счёту: открытие было ярким, настоящее шоу.

Что-то для меня изменилось тогда. Внутри поселилось устойчивое ощущение, что как раньше, уже не будет. Что-то возникнет. Что-то совсем новое. Я танцевала на трибуне. Приехавшие со мной друзья не могли понять источника моей радости. Это было только моё.

После открытия я поехала в лагерь спортсменов. Вторглась в самую большую и говорливую компанию и, улыбаясь, спр...

сила: «А кто у вас тут по полётам главный?»

Через пятнадцать минут мы летали на парашлане.

Был вечер, начинались сумерки. В закатной дымке с высоты 300 метров над землёй стал виден далёкий Белогорский монастырь.

Было не страшно. Было волнительно.

Я осталась ночевать в лагере.

В шесть утра селектор громкой связи объявил тренировочный вылет аэростатов.

Взлетели и мы. Снова на парашлане. Взяв фотокамеру.

Мы летали рядом с воздушными шарами, махали друг другу, приветствуя: я – пилотам аэростатов, а – они нам.

Днём поехали обедать в кафе на трассе. Нещадно обжигала июльская полуденная жара. Мы разговаривали на крыльце, когда услышали шелест крыла.

В контрсвете, заслоня солнечные лучи, к нам спускался пилот парашланерист. Он неспешно крутил нисходящую спираль и мягко приземлился в десяти метрах от нас.

Встречный ветер

Юлия Назипова

Помощник инструктора. Летает на парашлане 5 лет.

Через две недели я училась летать в парапланерной школе.

В группе было восемь человек: шесть мужчин и две девушки. Мы были разными во всём: возраст, семейное положение, физические данные, взгляды на жизнь.

Прочитаны лекции по метеорологии и аэрологии.

Начались практические выезды.

Мы осваивали азы наземной подготовки. Это проекция поведения пилота в воздухе. На земле отрабатывается старт, управление парапланом. Курсант учится работать весом и руками, ловить баланс, понимать пределы действий с крылом, чувствовать размер усилия для работы при различной силе ветра.

Для наземной подготовки не существует лимита на часы.

Чем больше у пилота навыков «наземки», тем эффективнее он будет пилотировать аппарат в воздухе. Воздух – параплан – пилот – эта система работает тем лучше, чем лучше пилот понимает своё крыло.

Сейчас, уже будучи опытными пилотами, мы по-прежнему занимаемся «наземкой».

В 2011 году у нас не было практики по типу курса «интенсив». Занимались

недели непрерывных занятий. Важным для меня было осознание глобальности этого спорта.

В мире на парaplанах летают везде, где позволяют условия: в Европе, Азии, Африке, в Северной и Южной Америке, в Австралии. Парaplанерное снаряжение непрерывно совершенствуется, появляются новые конструкторские решения, новые материалы. Это большая индустрия.

Мы её часть. Мы имеем доступ к этому опыту и разработкам.

Ещё одним серьёзным фактором было пространство пилотского сообщества: совокупность общения, передачи опыта, взаимной поддержки, сплю-

мы каж-дые выходные. Курс длился в итоге 3 месяца и больше. С приходом Павла Митюкляева система обучения была пересмотрена, изменена, дополнена и стала более эффективной.

То, на что у меня ушёл почти целый сезон, теперь курсанты осваивают за две

чёрности, общности целей в парашланеризме.

Опытные пилоты не раз помогали мне в учёбе. Да и просто видеть, как летают «старшие», было крайне полезно.

После «наземки» были слёты с небольшого склона. Старт, один-два галса в воздухе, посадка. Каждый курсант находится на радиоведении: инструктор всё время даёт подсказки по радию. Затем, когда у курсанта появляется понимание и нарабатывается моторика, радиоведение сводится к минимуму. Инструктор контролирует курсанта, но «не ведёт за руку». Цель наших инструкторов – вырастить самостоятельного пилота, а не радиоуправляемую модель.

Вот мы уже летаем в «динамике». «Динамик» – динамический поток. Ветер упирается в склон и создаёт зону подъёма.

Я летаю целых 20 минут! Это мой рекорд!

А потом наступила зима.

Осенью и зимой пилоты

ч а щ е

в с е -

го совершают лётные выезды в Гималаи: Индия

и Непал. Опытные летают маршруты дружескими группами, начинающие идут на обучающий курс к инструкторам. Такие курсы проводят и наши инструкторы школы Ural Team Paragliding.

В мае 2012 года начался этап обучения высотным полётам.

В условиях равнины для набора высоты, достаточной, чтобы взять восходящий поток, применяются средства механизированного старта. Километровым тросом пилотов затягивают на высоту до 700 метров над рельефом. Этот процесс так и называется – «затяжка».

Затяжка требует концентрации внимания, контроля своих действий. Страшно? Первый раз, наверное, да...

Нас было трое курсантов и دو помощников к затяжке. Двое мужчин и я.

На вопрос инструктора, кто тянется первым, я тут же ответила, что я. Лучше всё сделать первой, не стоять и не ждать, пока отстреляются мои товарищи. Не копить в себе волнение.

Инструктаж, зачековка отцепки, доклад о готовности. Команда к началу. Упор, трос натянулся, разбег, от-

рыв от земли. Я в воздухе. По радию мне подсказывают, как верно держать курс. Но, конечно, с первого раза выполнить затяжку на «отлично» не получилось и после отцепки я даже не долетела до старта. Не хватило высоты.

Но принцип стал понятен. Вторая затяжка прошла гладко. Мои товарищи тоже справились.

Нам открылась лестница в небо.

Но опять самое интересное впереди! Теперь надо научиться работать в восходящих потоках. В этом смысл всего.

И тут Небо нам послало подарок – Павла Митюкляева. Пилота с почти двадцатилетним опытом полётов на парашлане, с большим соревновательным опытом.

Под руководством Павла я выкрутила свой первый восходящий поток.

Стартовали мы с лебёдки.

Я отцепилась от троса, развернулась.

А через некоторое время вариометр (прибор, показывающий изменение высоты) запищал. Я в наборе!

И тут же радию голосом Павла:

– Юля, ты в потоке! Перенеси вес влево! Подожди левую клеванту! Ещё подожди! Держи! Хорошо! Теперь приотпусти! Протяни на ветер в сторону старта! Хорошо!

Вариометр поёт.

Павел ведёт меня непрерывно. Он не позволяет мне выпасть из потока, я остаюсь в зоне уверенного подъёма и даже в ядре.

Как у него получается оценивать мои действия и давать подсказки – ведь я уже высоко, меня видно не так отчётливо – а он командует так, как будто я прямо перед ним?! Как он понимает, где границы потока?!

Я работаю клевантой и пропускаю через себя ощущение набора высоты в потоке.

Высота более 1000.

– Ладно, выходи из потока! Для первого раза достаточно! Разворачивайся к старту!

Я оставляю поток и лечу обратно.

На высоте 500 метров я встречаю ещё один поток. И выкручиваю ещё 400 метров. Павел снова ведёт меня.

Адреналиново! Волнение накрывает уже на земле. Собирая крыло после посадки, я вижу, как дрожат мои руки.

Я летала!

Потом Павел ещё не раз водил меня в потоках. Я сопоставляла свои ощущения, звук вариометра, команды Павла и училась-училась-училась.

Однажды мы затягивались на новом поле.

Мне повезло, я сразу подхватила поток. Павел не дал это счастье потерять,

взял на радиоведение. Я выкрутила более 1000.

И внезапно Павел говорит:

– А теперь сделай уши!

«Уши» – это способ быстрого снижения. Нужно взяться за ушные стропы, потянуть их определённым образом и изменить геометрию крыла. Крыло станет меньше по площади и будет снижаться существенно быстрее. Каждый раз после команды «уши» я делала вид, что это вовсе не я тут летаю: было жутко изменить поведение крыла.

– Юля, ты научилась набирать высоту, но ты не умеешь её экстренно сливать. Если ты сейчас не делаешь уши, то я запрещаю тебя затягивать!

Ультиматум.

Медленно дотягиваюсь до ушных строп выше свободных концов. Даже не дышу. Тяну за стропы, подворачивая кисти рук.

– Юля, это не уши! Это ушки! Сделай нормальные большие уши!

Отпускаю стропы. Берусь за них снова – намного выше. Держу.

– Хорошо! Это, конечно, не большие уши, но ты поняла!

Я поняла. И научилась делать и большие уши, и вообще любые уши.

Я хорошо помню свой первый более или менее серьёзный маршрут в 25 км. Был пик погоды. Отцепившись от троса, я взяла шлюс два и выкрутилась под облако. Дальше ушла по улице облаков и скоро потеряла старт из вида.

Лечу. Под ногами две тысячи метров. Поток-переход, поток-переход. Ветер свежий. Такой, какого никогда не бывает у земли. Он чист до невозможности. Он звенит в моих стропках.

Потом были следующие маршруты, новое крыло на класс выше – чувствительнее, быстрее, манёвреннее, строже – настолько «моё» крыло, что как будто его лично для меня делали.

И я поехала летать в Непал. Но это уже совсем другая история. **УС**

Ural Team Paragliding,
уральское парашланерное сообщество,
парашланерная школа на Урале.
<http://uralteam-paragliding.ru/>

Куланы Чингисхана

Популяция куланов в национальном парке «Алтын-Эмель» на юго-востоке Казахстана являет собой яркий пример возрождения исчезнувшего животного.

Фото автора

Кулан (*Equus hemionus* Pallas, 1775) — представитель семейства лошадиных, отряда непарнокопытных млекопитающих. Давно стало традицией, говоря о редких зверях, непременно упоминать, что они являются ровесниками мамонтов. Отчасти это верно, зоологи выделяют особый комплекс животных, носящий назва-

ние мамонтовая фауна. Эти животные были широко распространены в Северной, Центральной и Восточной Азии в ледниковые эпохи плейстоцена, более 10000 лет назад. Мамонты и другие крупные животные: бизоны, большерогие олени, шерстистые носороги, пещерные львы и медведи — вымерли. Но некоторые

виды этой фауны дожили до наших дней, и, кроме сайгака, одним из таких животных является кулан. Стада обоих видов были многочисленными до недавнего времени, и причиной резкого падения их численности стал человек.

Первое описание природы юго-восточного Казахстана оставил нам

Олег Белялов

Родился в Алма-Ате. Интерес к природе проявился с детских лет. Первыми наставниками были отец кинодокументалист В. Белялов и орнитолог А. Ковшарь. Фотосъемка в дикой природе стала главным делом жизни. Работал в Институте экологии АН Каз.ССР, на киностудии «Казахфильм», участвовал в создании фильмов отца о животном мире Казахстана. Маршрутами экспедиций покрыта большая часть республики. Иллюстрировал книги и фотоальбомы. Вице-президент Союза охраны птиц Казахстана. Член жюри ежегодного фотоконкурса «Золотой объектив Алматы». Живет в г. Алматы.

качались жёлтые пташки... К утру приехали на Алтын-Эмель. Алтын-Эмель название монгольское. Здесь много мест, которые до сих пор носят калмыцкие имена... Из животных в степи ходят стадами каракуйруки, сайги, попадаются куланы. Волков много. Из птиц попадают весною гуси, утки, в скалах голуби, и в лесах — во множестве фазаны...»

Как видно из записей учёного, в те годы куланы ещё встречались в долинах Алтын-Эмеля. Но в первой четверти XX века они здесь были истреблены, а к середине — и повсюду в Казахстане.

Судьба казахстанского кулана очень драматична — из природы навсегда исчез особый подвид *Equus hemionus fischii Matschie* (1911). К счастью, на этот момент животные других подвидов ещё сохранились в других частях своего огромного ареала — в Монголии, Китае, Туркмении и Иране. И это вселяло надежду. Возрождение казахстанской популяции кулана — один из редких примеров спасения крупного животного, которое увенчалось успехом.

Начало было положено в 1953 году, когда на остров Барсакельмес в Аральском море из Туркмении завезли восемь куланов. Это были животные другого подвида — туркменские (*Equus hemionus onager Boddaert, 1785*), но вариантов у зоологов не было. Через четверть века поголовье на Барса-Кельмесе уже насчитывало сотенные стада.

Резкое падение уровня Арала, начавшееся в 70-е годы, поставило под угрозу обитавших на острове животных, и было принято решение переселить их в новые места. В 1982 году началась операция по переселению животных с Барсакельмеса в Капчагайское охотничье хозяйство, расположенное в 150 километрах к северо-востоку от Алма-Аты. Сейчас эта территория стала частью национально-

го парка «Алтын-Эмель». Куланов обездвигивали выстрелами из специального ружья, после чего помещали в транспортные клетки. С острова их доставили в Аральск вертолётном, а дальше на грузовиках они прибыли на побережье Капчагая. Было отловлено 23 кобылы и 5 жеребцов. Операция проходила в зимнее время, а весной появились первые кулянта. Интересно, что, прожив совсем недолго в специальном загоне, построенном возле Талды Саю, животные были выпущены на волю, и уже вскоре всё стадо обосновалось в районе, который всегда носил название Кулан Тобе (куланы холмы). Прошло более 30 лет, и сейчас в долинах «Алтын-Эмеля» обитает больше трёх тысяч куланов — одна из самых крупных популяций в мире.

Казахская легенда повествует о том, как во время охоты под копытами куланов погиб ханский сын. По одной из версий, это был Джучи — старший сын Чингисхана. Узнав о гибели сына, хан приказал своему войску окружить стадо куланов и уничтожить всех поголовно.

Эту легенду мне приходилось слышать в разных уголках Казахстана. В «Алтын-Эмеле» это Талды Сай. Здесь, в горах Чулак, есть ущелье, которое, выходя на равнину, образует глубокий овраг с очень крутыми склонами. Он создан тысячелетними дождевыми паводками, идет от гор в сторону реки Или и являет собой естественную преграду в долине. По местному преданию, именно сюда и были согнаны все обитавшие в долинах Алтын-Эмеля тысячные стада куланов. Падая с обрывов, животные погибали, истекая кровью. Такова была месть хана за погибшего сына. А река куланьей крови достигала по Талды Саю реки Или, и дальше все воды главной артерии Семиречья были окрашены в красный цвет. ❏

этнограф-просветитель Чокан Валиханов (1835–1865), побывавший в этих краях в 1856 году: «Прекрасная погода благоприятствовала нашему путешествию, мы шли сначала дорогой по прекрасным долинам Алатавских предгорий. Поля пестрели тюльпанами, восточным маком, и на длинных стеблях белой мальвы

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

▼ Д. Нижнее Калино

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов

► С. Верхнее Калино

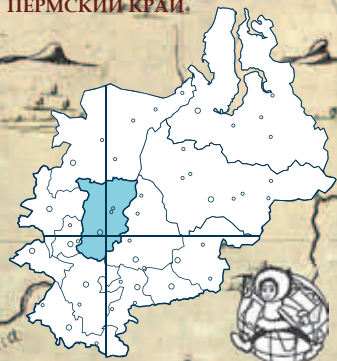

◀ Пос. Лямино

► Город Чусовой. Памятник В.И. Ленину

ПЕРМСКИЙ КРАЙ.

Юний Горбунов

Литератор, историк издательского
дела в России. Редактор раздела исто-
рии и краеведения.

◀ Поселок
Усть-Койва.
Фото Николая
Ячменева

Кумышанские страсти

После сна, увлекшего Чусовую в объятия лодских радостей и бед, река явила нам едва ли не смиренно-счастливый человеческий облик. Бытующие по ее берегам деревни, хутора и кордоны миновала простоволосая женщина-река, без затейливых лесогорových самоцветных нарядов и рукотворных красот Огнедела. Она участливо поила чусовлян, их живность и огороды своей водой, угощала рыбой и водоплавающей птицей, детей баловала самоцветными камушками, а судогонов упреждала об опасностях. Ей нравилось, что люди принимали ее как подружку, доверяли ей свои тайны, делились удачами, могли и поплакаться ей плече мшистого берегового камня. И негромкий перезвон ее струй вторил печальным или радостным людским голосам.

Реке казалось, что она все слышит, все понимает и остается совсем немного текущих верст до того момента, когда руки, платья, волосы, говор и смех ее подруг сольются в единое с ней течение и несмолкаемый доверительный разговор.

Где были, что подельвали в ту пору ее вчерашние ухажеры-любовники Лесогор и Огнедел, не знала, не ведала миротворенная женщина-река.

В таком вот дружестве, звонком смехе, шаловливых играх миновала Чусовая деревню Кумыш и оказавшихся совсем нестрашными лесогорových

бойцов Горчака и Молокова. Впереди, на правом ее берегу, на очередном игривом повороте уже виднелся и во-

◀ С.М. Прокудин-Горский. Камень Пять Братьев. 1912

все свойский камень, весело названный людьми Кликуном-Кликунчиком.

На его плоской, как столешница, вершине кумышанские бабы, девки-молодухи в легких нарядах, цветами и лентами убранных, затеяли пляски и песни. Ветер беспечно играл подолками их платьев, лентами и прядями распущенных волос. Глаз было не оторвать от их призывной беспечности и наготы.

А к Горчаку и Молокову, этим коварным лесогорových бойцам, приближался с Осянки караван тяжело груженных судов-баров. Но какие там бойцы! Уставшие бурлаки, гребцы, а где и сами лоцманы-сплавщики в виду такой влекущей вакханалии побросали снасти, багры, весла и, как замороженные, доверились беспечному течению Чусовой. Караванный, косные с лодки-казенки — хоть закричись. А Кликунчик ликовал. Огнеделовы девки и ветры Лесогора не знали удержу в разгуле. Неуправляемые бар-

▶ Виталий Волович. Остров счастливых. Илл. к ирландской саге «Плавание Брана, сына Фебала». 1968

◀ Виталий Волович. Осень.
Река Чусовая. 1999

ки и полубарки бились о камни и напивавшие сзади суда. Молочно-белой пеной бурлила и захлестывала их вода. А из зеленых береговых засад к гибнущим судам устремились юркие воровские лодки кумьшанских лихих людей, хватая все, что не успели поглотить кипящие воды. Тем из сплавщиков, что пытались спастись, хватаясь за борта лодок, лихие люди рубили руки топорами.

Только Кликунчик не уставал в пляске и разгуле.

А когда пара-тройка барок сумела-таки миновать гибельную речную дугу, их терпеливо поджидали лесогоры камень Разбойник и Пять Братьев. И довершали жестокую расправу.

Вот здесь, у подножья беспечного Кликунчика, вчерашние лю-

бовники Огнедел и Лесогор, коварно объединившись, безжалостно мстили женщине-реке за ее измену. Они сделали доверившуюся людям реку невольной соучастницей небывалой еще на ее пути кровавой драмы. А покончив дело, угмонились. Тянулись теперь почти безлюдные версты и версты. Молчаливые камни таились в зелени берегов и в них же Огнедел прятал свою огненно-дымную физиономию. Женщина-река текла, и были солеными ее воды, бесчувственными струи и перекааты. Ведь это и их калечил топорами Огнедел, и в ее прохладные глубины воронками утягивал Лесогор тела сплавщиков. И все слышался ей издали богохульский хохот Кликунчика.

Мы-то знаем, на какое изощренное коварство способны эти две всеильные стихии, но каково было женщине-реке, беспечно оказавшейся между ревнивыми молотом Лесогора и накопальной Огнедела!

Только чистые и упругие воды Койвы остудили и умерили отчаяние реки. Не ведавшая печали Койва-река щедро и беспечно осыпала подругу золотыми и платиновыми самородками, каплями алмазов, зелеными огоньками уваровита. Берега обеих рек были расцвечены обилием веселого и деятельного народа. Вездесущие туристы, снаряжая свои лодки и катамараны, не ведая ее печали, возвращали реке ее молодость, веру и силу. И никто не видел, что в воды женщины-реки, расцвеченные небом и зеленью берегов, вилелась седая струя уже необоримого страдания.

А жизнь реки текла-длилась дальше. За туристической Меккой Усть-Койвы как ни в чем не бывало явили реке свои могучие персоны Огнедел и Лесогор. Первый — большим металлургическим заводом и городом, который он лстыиво назвал именем реки. Спецовка на Огнеделе блестела маслянистыми пятнами, кепка была набекрень, а в нагрудном кармане рядом с углюмером красовалась свежесорванная ромашка. «Мы, мол, с Лесогором теперь друганы не разлей вода. И ты, милая, свои нежные струйки-пальчики не суй в шестеренки наших бед и напастей, не гляди туда, где копошится что-то уродливое и болезное. Погляди лучше, какой Этнографический парк твоей, Чусовая, истории сработали мы в твоём городе об руку с Лесогором».

А Лесогор, так тот расстелил перед ней за городом пойменные луга, убрал с глаз долой все камни и скалы; на их месте пестрели теперь цветущие острова. А какие полноводные притоки подарил ей на радость! Справа две речки слил в одну глубокую и полноводную, назвав ее Усьвой, а слева Лысьву-реку — не было бы скучно Чусовой. «Ты рождена для наслаждения, любимая. Тебе ли заглядывать в омуты бед и трясины береговых напастей? Неси свои воды высоко и бездумно, и тогда мои камни-бойцы будут тебе не преградой, а защитой. А все окружающее тебя — сказочным лицедейством или эстрадным балаганом».

Лесогор стоял перед ней окутанный шаловливым туманцем, и, показавшись Чусовой, задорно дымилась трубка в его зеленой ветвящейся руке...

▲ На территории туристской базы

Поселок Усть-Койва

Фото Николая Ячменева

На подступах к «живому» местечку Усть-Койве длинной вереницей выстроились вдоль Чусовой деревни-призраки, от которых ныне практически ничего не осталось. Одну из них живописует «Путеводитель» Ф.П. Опарина (1936): «Километром ниже от камня Темного (слева) Чусовая делает большую извилину вправо, в вершине которой справа впадает речка Свадебная. Ниже устья — длинный перебор Свадебный с островами у левого берега. За перебором река поворачивает вправо и проходит мимо деревни Поляковой, живописно расположившейся на высоком уторе правого берега. Против деревни на левом берегу красивый к. Стрельный».

Только старые путеводители и карты «помнят» деревню Верх-Чизму или Москвичи против камня Веер; просто Чизму на берегу правом с месторождением красного железняка, который надобился Кусье-Александровскому заводу. Поминуют карты деревни Усть-Бедьку и Круглый Мыс — бывшие поселки спецпереселенцев...

Но и сегодня на слуху легенды и были о речке Кумыш, Кумышанской пещере, одноименной деревне на левом берегу Чусовой и грозных скалах-бойцах Горчаке, Молокове, Разбойнике. Д.Н. Мамин-Сибиряк назвал их «последней каменной преградой». «Старик Урал, — пишет он, — напрягает здесь последние силы, чтобы загородить дорогу убегающей от него горной красавице». Говорят, кумышанские, чизменские, рассольнинские мужики не брезговали и разбойным на сплаве промыслом.

А в пещере камня Кумышанского, что на левом берегу Чусовой, современные ученые обнаружили артефакты практически всех археологических эпох от палеолита до средневековья. Кроме прочего, здесь выявлено неолитическое погребение — останки четырех детей и трех взрослых женщин. По словам автора исследования «Пещерные святылища реки Чусовой» Ю.Б. Серикова, это погребение является собой единственное на Урале коллективное захоронение позднего неолита.

Наконец, на самом подходе к Усть-Койве Чусовая мигнет на правом берегу останки плотины и деревни Рассольной. Когда-то здесь в устье одноименной речки-притока была пристань, строились барки для сплава грузов Кусье-Александровского завода.

А в устье речки Мельничной, левого притока Чусовой, стоял небольшой кордон-поселок того же завода и через Чусовую еще в 30-х годах ходил паром.

Таковы подступы к долговекому, времен первых Строгановых, поселку Усть-Койва, древнейшему в Горнозаводском районе Пермского края. Деревня Койва в устье этой

▲ Кумышанская пещера. Работают археологи. Фото из книги Ю.Б. Серикова

▲ С.М. Прокудин-Горский. Деревня Рассольная. 1912 г.

► Пещера Чудесница

реки значится уже на ландкарте строгановских вотчин 1734–1736 гг. Прежде это были земли вогулов. Не потому ли пельымские князья не раз зорили строгановские слободки по Койве-реке? Говорят, русскими первопоселенцами были здесь крепостные бузотеры из краев пензенских и орловских. Поселившись, хозяйствовали, копали железную руду, готовили куренные дрова и жгли уголь. Вообще жили большей частью лесом. По Койве ходили шитики — беспалубные барки, бравшие до 20 тыс. пудов груза. Название у реки и поселка, считают топонимисты, коми-пермяцкое: «кой» — брызги, «койни» — плеск, «ва» — вода. Койва действительно река плескучая.

Поселок, что на правом берегу Чусовой, состоял из двух частей. Одна — прямо в устье Койвы, другая — Кордон — в километре выше по течению Чусовой, в устье Мельничной. На Кордоне было лесничество, коим одно время управляли поляки — супруги Пойш.

Долгожительница поселка Н. Долматова помнит на Кордоне старика Филарета Исупова. Летом он плавал на долбленке из цельной осины, зимой ладил ледяную переправу

► Река Койва. Вид со скалы Лотари

через Чусовую, ходил по кордону в валенках, расшитых узорами... В устье Койвы стояла часовня, но в годы войны ее разобрали и увезли в Кусью. Еще помнит она первую свою учительницу молоденькую Тоню Циренщикову, которая в холодном классе грела детям руки своим дыханием.

Поселок знал на своем веку взлеты и падения. Еще в 1825-м в верховьях Койвы нашли золото и платину, а в 1829-м — первый в России алмаз. Добыча алмазов возобновилась в 1940-х годах и продолжалась до 1953-го. В 1933-м возник колхоз и работал до 1944-го, когда его земли заняли алмазные партии.

После войны поселок жил лесом, и это было время подъема Усть-Койвы. Построили клуб, школу-восьмилетку, детский сад, баню...

Но руда, алмазы, лес — не вечны. Сегодня бывший поселок скукожился до обидной межпоселенки. Здесь строятся дачники, как правило, не помнящие родства. А рядом возникла настоящая туристская Мекка.

Участок реки от Усть-Койвы до города Чусового зимой и летом густо населен туристами всех возрастов, национальностей и средств передвижения. И то надо сказать, что пере-

▲ База «Усть-Койва»

сечение двух красивейших рек и вся койво-чусовская округа дарит туристу уйму исторических и природных чудес. О красотах Чусовой было много сказано. Не менее притягательна и открытая для сплава Койва. Эту горную порожистую реку питают более сотни рек, ручьев и ключей. А ведь есть еще речка Мельничная с ее хрустальным водопадом, пещера Чудесница на речке Поньш...

Более 20 лет здесь успешно функционирует туристская база «Усть-Койва» — член Пермской туристской гильдии. Все это время ее возглавляет мастер спорта по водному туризму Николай Геннадьевич Ячменев. Он руководил походами высшей категории сложности в горах Кавказа и Памира, Приполярного и Северного Урала. 8 лет руководил детским клубом «Берендей». На базе действуют несколько летне-зимних маршрутов и в том числе уникальный для Пермского края маршрут «За уральскими минералами», признанный лучшим на пермской ярмарке в дни проведения выстав-

ки «Туризм и отдых». А вся экскурсионная программа состоит из семи маршрутов продолжительностью от 2 до 10 часов: сплав по рекам Койва-Чусовая (70 км), Дыроватый камень, Пещера «Чудесница», Грот Колчака, Красный камень, камень Филтин, Ледяной водопад «Мельничный».

К услугам туристов — несколько жилых помещений, спортивные площадки, игровые зоны, опытные инструкторы. В дни зимних и летних каникул здесь можно организовать детский лагерь отдыха, провести туристический слет.

*Редакция благодарит за участие в подготовке материалов подборки сотрудников Центральной библиотеки г. Горноуральска и обращается к краеведам и жителям пос. Лямино, с. В. Калино, д. Н. Калино с просьбой присылать воспоминания и исторические фотографии по эл. адресу редакции или: gor1938@yandex.ru. **УС***

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) — без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37 Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru Сайт: www.usfeu.ru

8 июля 1785 года Пермская казенная палата издала указ, которым разрешалось княгине Варваре Александровне Шаховской, урожденной Строгановой, «в собственных ее дачах по реке Чусовой, на впадающей в оную по течению с левой стороны речке Лысьве построить новый завод о двух домнах, с потребным числом молотов, с фабриками и прочим заводским строением». В 1787-м завод на реке Лысьве начал выдавать чугуны и железо. Завод одним из первых в России стал выпускать оцинкованное железо и одновременно здесь производили белую и черную жечь.

Ордера Лысьвенского завода

Когда началась Первая мировая война, фабрика металлических изделий превратилась в крупный артиллерийский завод. Производились фугасные бомбы, взрыватели, шестидюймовые снаряды для шрапнели, сухопутные и морские пороховые ящики, коробки для ручных гранат, солдатские котелки и фляжки.

В годы Великой Отечественной Лысьвинский металлургический завод снова надел военную форму — выпускал гранаты и снаряды, защитные каски и боевое снаряжение. За свой ратный труд был награжден орденом Ленина и орденом Отечественной войны первой степени.

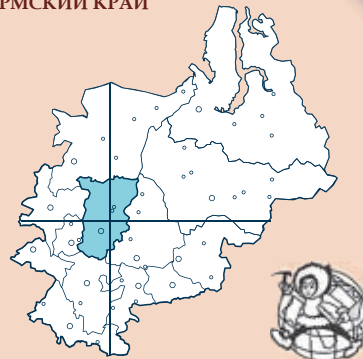
А свидетелями времен начала двадцатых годов прошлого века остались денежные знаки Лысьвинского горного округа — ордера. Выпущены они в 1918 году из-за отсутствия общегосударственных денежных знаков. Напечатаны в пяти сериях: А, Б, В, Г, Д номиналами 1, 3, 5, 10 и 25 рублей. Размеры первых четырех знаков 110x70 мм, 25 руб. — 174x71 мм. Бумага тонкая, гладкая. Денежные знаки двусторонние. На лицевой стороне сверху напечатаны серия, номер знака и: «Лысьв. Горн. Окр.», а ниже — «ОРДЕРЪ». Посередине третьей строки — крупная цифра «1» и по обе стороны — «рубль». Слева ниже в две строки: «Председатель Делов. Совета» и подпись. На следующей строке: «Бухгалтеръ» и подпись. Все это напечатано на фоне

Василий Попов

Живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского слепопыта».

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

круглой печати с изображением головы лошади (коня) и круговой надписи: «Лысьвенский Горный Округ», а по обе стороны печати слова: «ОРДЕРЪ». И все это окаймлено орнаментальной рамкой. Обратная сторона выглядит так: в четыре строчки надпись — «Лысьв. Горн. Округ./Одинъ рубль/Подделка преследуется закономъ/серия,

номер и текст: «1 руб.». Все напечатано на фоне работающего кузнца под расходящимися лучами солнца и заключено в орнаментальную рамку. Остальные три купюры (3, 5 и 10 руб.) оформлены аналогично. А 25-рублевая банкнота выглядит немного иначе. Из основного текста удалены серия и номер — они помещены с левой стороны в отдельную рамку, где еще напечатан орнамент (сверху) и «Л.Г.О.»

Гитара в космосе

Генриху Коликову, мастеру «космической» гитары, посвящается

Первый музыкальный инструмент, проникший за пределы нашей планеты 10 августа 1978 года и на орбитальной станции «Салют-6» скрашивавший досуг нашим космонавтам, был классической гитарой, изготовленной русским мастером Генрихом Дмитриевичем Коликовым (15.07.1926–2009) в столице СССР — Москве.

Первым космическим музыкантом стал космонавт А. С. Иванченков.

Гитары Г. Д. Коликова в Екатеринбурге ещё встречаются. Более двух десятков его инструментов были приобретены в своё время свердловчанами. Есть гитаристы — А. Л. Орлов, М. П. Семьин, В. И. Останин и др., что лично были с ним хорошо знакомы. Мне тоже посчастливилось бывать в его мастерской и дома, общаться с мастером и его женой Людмилой Николаевной. Доброжелательные беседы остались в памяти. Генрих Дмитриевич рассказывал, что в молодости он неоднократно бывал в Свердловске в командировках. Урал ему нравился. Мы переписывались. Созванивались по телефону.

Сохранился краткий конспект моего телефонного разговора с Москвой 5 марта 2006 г.

В том году Генриху Дмитриевичу исполнилось 80 лет. Уже четыре месяца, как он совсем ослеп. Мы проговорили 18 минут.

После приветствий и приветов от семьи Орловых и Михаила Семьина я рассказал о своей встрече 1 марта 2006 г. с космонавтом Виктором Михайловичем Афанасьевым.

Уральский филиал Лиги защиты культуры попросил нас (КЦ «Солдаты России») сделать выставку «Забывшие музыкальные инструменты царской России». После выставки было чаепитие. И во время застолья я спросил Виктора Михайловича о гитаре, побывавшей в космосе.

Он сказал, что три космонавта оспаривают первенство идеи взять в космос гитару. Что гитару космонавты вернули с орбитальной станции на Землю и хранят её в отряде космонавтов.

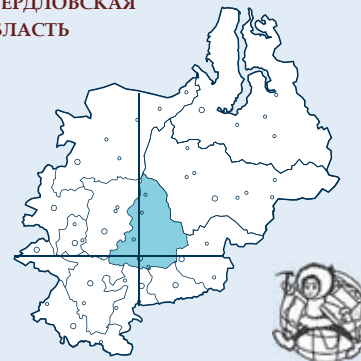
«Нашей обоюдной радостью является то, что гитара стала первым из музыкальных инструментов, прозвучавших в космосе».
А. С. Иванченков

Эдуард Соколов

Музыкальный мастер Уральской государственной консерватории (академии) им. М. П. Мусоргского. Выпускник УЛТИ 1981 г. Автор ряда публикаций, посвященных струнным музыкальным инструментам в сборниках и российской периодике. Живет в Екатеринбурге.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

▶ Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза В. М. Афанасьев (справа). На его счету 4 полёта и 600 дней в космосе. 7 выходов из орбитальной станции в открытый космос. Как президент международной Лиги защиты культуры, он приехал в Екатеринбург из Москвы вручать Демидовские премии

◀ Гитара Коликова — младшая сестра той, что впервые побывала в космосе

Я спросил Афанасьева: «А вы знаете, кто её изготовил?» Он не знал. Тогда я рассказал о вас, Генрих Дмитриевич, о том, что заказ на гитару для отряда космонавтов был через директора МЭФМИ Гинзбурга (Московская экспериментальная фабрика музыкальных инструментов).

Виктор Михайлович попросил меня разузнать у вас подробности. И вот вопросы:

Э.С. – Из какого материала был сделан корпус гитары?

Г.К. – Анатолийский орех. Корпус я сделал фанерованным, не из массива. Так как играть будут не в зале, а в тесном пространстве фанерованный корпус прочнее.

Э.С. – Сколько струн на гитаре – шесть или семь?

Г.К. – Гитара шестиструнная.

Э.С. – Под какие струны делали гитару – под стальные или под нейлон?

Г.К. – Под нейлон.

Э.С. – Какова мензура инструмента?

Г.К. – Шестьсот пятьдесят (650) миллиметров.

Э.С. – Что написано на этикетке?

Г.К. – Я уже не помню, была ли вообще этикетка. Но под подставкой написано моё стихотворение:

*«В минуты отдыха в кабине корабля
Гитара прозвучит в космической дали.
И станут ближе к вам российские поля,
И Родина, и дом, что вас всегда встречали
И встретят вновь».*

▲ А.С. Иванченков с гитарой и Зигмунд Йен на борту орбитальной станции «Салют-6»

Без подписи. Подпись я постеснялся поставить. Иванченков в космосе спел под эту гитару песню Ю. Визбора «Лыжи у печки стоят»...

Э.С. – А кто сделал заказ?

Г.К. – Идея увезти гитару в космос принадлежит Валерию Рюмину. Рюмин лично приехал в мастерскую и сделал заказ. Гитару передавали Рюмину в кабинете у Альфреда Карловича Гинзбурга. Пришёл микроавтобус. Выпили все по рюмке. Немного поговорили и расстались. (Адрес МЭФМИ: Москва, переулок Тружеников, д. 16. Эта фабрика сгорела. – Э.С.).

Мои подготовленные вопросы закончились. Разговор наш поменял тему, и я прекратил фиксировать ответы.

Такие вот подробности сохранились в моём гитарном архиве. Вновь встретиться с В.М. Афанасьевым мне не довелось. Поэтому, пользуясь публикацией в «Уральском следопыте», надеюсь, что эта информация найдёт своего адресата. Или её передадут в музей отряда космонавтов.

Но тема «гитара в космосе» заинтериговала меня. И я поделюсь своими изысканиями.

В СССР во время длительных космических полётов вопросы психологической поддержки экипажа встали во весь рост. Находиться в недостаточно изученных и опасных условиях в течение ряда месяцев в замкнутом пространстве металлической бочки космического корабля или орбитальной станции и выполнять при космических перегрузках задание – методическую сложную работу, распланированную по минутам, – сложно даже для здоровой психики. Были сбои, трагедии, истерики и обмороки. Поэтому в СССР при отрядах космонавтов были сформированы группы психологической поддержки. Создали систему, названную ЦУПоведением. (ЦУП – Центр управления полётами). Связь была двусторонняя, телевизионная. В эти группы психологической поддержки включали известных исполнителей, артистов, поэтов, чтобы там, в космосе, создать рабочий настрой, отвлечь от мыслей неприятных. Ю. Визбор, С. Никитин, А. Городницкий, Б. Окуджава, М. Ульянов, Ю. Никулин, Р. Плят, М. Жванецкий, А. Пугачёва и другие приглашались ЦУПоведением для живого общения с космонавтами, находящимися в космическом про-

странстве. Для поддержки приглашали в ЦУП также жён и детей космонавтов.

Рассмотрим «наш» полет. Он неординарный. Предстояло впервые перешагнуть рубеж в 120 суток, пробив в космосе более 139 дней. Космонавты стартовали 15 июня 1978 года на корабле «Союз-29». В.В. Ковалёнок — командир корабля, А.С. Иванченков — бортинженер. Работали на орбитальной станции «Салют-6». Провели большой комплекс научных исследований и экспериментов. На борту станции «Салют-6» они разгрузили три «грузовика»: «Прогресс-1», «Прогресс-2» и «Прогресс-3», а затем принимали поочередно два международных экипажа: 1. П.И. Климук и М. Гермашевский; 2. В.Ф. Быковский и З. Йен. Строгая очередность работ, сложные программы. Каждый экипаж на станции «отгостил» неделю, выполнив свою программу работ. А песня в космосе звучала всегда. Это работа группы поддержки ЦУП. Но в нашем случае впервые космос давал концерт Земле. Это стало сенсацией!

А.С. Иванченков спел под гитару песню Ю. Визбора:

*«Лыжи у печки стоят.
Гаснет закат за горой.
Месяц кончается март.
Скоро нам ехать домой...»*

Играть на гитаре в условиях невесомости было непросто. Гитара выпорхнула из рук и поплыла... Пришлось учиться играть в необычных условиях, удерживая гитару. Пока он песню допел, космический корабль успел облететь всю нашу голубую планету. За иллюминатором «на видимом горизонте бушевало багровое пламя. Огромные столбы полярного сияния рвались в поднебесье, таяли в нём, переливаясь всеми цветами радуги».

Вот фрагмент из книги «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс». Работа на орбите». М. Машиностроение. 1983.

Стр. 153: В. Ковалёнок: «С полётами «Прогрессов» мы почувствовали поддержку. Они, как челнок, осуществляли постоянную связь с Землёй. Мы что-то отправляем с экспедицией посещения и получаем ответы на грузовике».

Приходит «Прогресс» и привозит письма, газеты, гитару. У Саши глаза так и засверкали. Теперь будем слушать не только магнитофонную музыку, но и свои песни. Когда человек поёт — это здорово. Вообще от грузовиков ждали что-то «живое». Они привозили ча-

стицу души товарищей, друзей-коллег по работе, родных, детские письма с рисунками».

Космонавт В. Рюмин — дублёр «Фотона-2» — взял операцию «ГИТАРА» под свой контроль. Он попросил мастеров Московской экспериментальной фабрики музыкальных инструментов выполнить внеочередной небывалый заказ — изготовить шестиструнную гитару для космоса.

На верхней деке под слоем лака мастер оставил надпись: «В минуты отдыха в кабине корабля гитара прозвучит...»

А. Иванченков: Разгружаем грузовой корабль, и вдруг на одном из контейнеров надпись: «Гитара обыкновенная». И действительно, гитара, в хорошей упаковке, очень бережно укутана, защи-

Я рванул за гитарой. Прилетел буквально за полсекунды. Схватил гитару, принёс. Однако сложно оказалось играть в невесомости».

А. Иванченков: В космосе, когда трогаешь струны, возникает ответная реакция, и гитара всплывает. Это надо учитывать. Нужна своеобразная космическая техника. Всё это нетрудно, конечно. Со временем можно привыкнуть».

Судя по графику посещения орбитальной станции «Салют-6», гитару доставили 10 августа с грузовым транспортным кораблём «Прогресс-3». Он стартовал 8 августа, состыковался со станцией 10 августа, а 27 августа — уже новая стыковка с космическим кораблём «Союз-31» (экипаж: Быковский В.Ф. — командир корабля и Зигмунд Йен). Судя

ица от перегрузок, от вибраций. Хорошие слова на гитаре написаны. Я не могу себя причислить к людям, которые с гитарой на «ты». Играл в туристических походах, для друзей, просто для настроения иногда. И нужно сказать, она своё дело сделала — служила нам хорошо. Пели дуэтом и даже квартетом. Сергей и Татьяна Никитины выходили на связь и вместе с нами пели».

В. Ковалёнок: Мы шутили над собой. Когда Аркадий Райкин вышел на связь, я ему говорю: «Мы с вами вроде как коллеги. Вы ставите интермедию на сцене, а мы проводим телерепортажи с борта. Наши телерепортажи иногда, может быть, выглядят со стороны как интермедию». Саши стеснялся публично выступить, но Татьяна Никитина очень настойчиво попросила. Смотрю, он согласился, не стал возражать».

▲ Г.Д. Коликов (слева) и В.И. Останин

по фото — в «Салют-6», где А. Иванченков с гитарой, а Зигмунд Йен — рядом, — снимок был сделан 1–2 сентября, так как 3 сентября Быковский и Йен вернулись на Землю. Экипажу «Салют-6» были объявлены выходные 3–5 сентября, в которые космонавты фотографировали Землю. Вероятно, в один из этих дней и была записана новостийная передача из космоса.

Всего в полёте А.С. Иванченков и В.В. Ковалёнок провели 139 суток 14 часов 47 минут 32 секунды. Они вернулись на космическом корабле «Союз-31» 2 ноября 1978 года. Это был первый полёт А.С. Иванченко-

ва. Он стал космонавтом № 88 (у гитарных мастеров цифра «8» — символ гитары, форма её корпуса. А две восьмёрки — две гитары! О второй гитаре Иванченкова — чуть ниже).

Длительные полёты — это многодневный стресс, серьёзные испытания психики космонавта. Когда в космос впервые полетел Юрий Гагарин, была только двусторонняя радиосвязь. С песни Л. Утёсова «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить...» началось освоение космоса. На магнитофоне орбитальной станции позднее хранилась кассета с песнями Владимира Высоцкого. Но это была музыка, присылаемая в космос с Земли. А космонавт А. С. Иванченков первым расчехлил гитару в космосе и исполнил песню на орбиталь-

но это будет позднее, а тогда, осенью 1978 года, в космосе на «Салют-6» было спето много песен под гитару, не только «Домбайский вальс». Просто «Лыжи у печки» попали в новостийную телевизионную передачу.

Таково было время. Первые космонавты. Первые полёты. Первые песни. Первые трагедии и победы. Но вернёмся на Землю.

Что ещё хотелось бы рассказать о Генрихе Дмитриевиче Коликове? Сохранилась статья (газета «Вечерняя Москва» от 15.05.1979 г. Автор Н. Маринич):

«Телезрители, конечно, помнят, как в один из вечеров прошлой осенью им довелось увидеть и услышать доселе невиданное: в космосе звучала русская песня в сопровождении гитары. Эта шести-

го ореха сделаны дно и боковые стенки. На медно-золотом фоне собрал мастер нарядную розетку из пяти тысяч деталей, в которой узоры по русским народным мотивам переплетаются с современными «космическими» линиями.

Шестиструнная красавица была вручена Герою Советского Союза лётчику-космонавту СССР А. Иванченкову на встрече москвичей с покорителями Вселенной в кинотеатре «Космос»...15.05.1979 в г. Москва.

Вспоминает Людмила Александровна Орлова: «Генрих Дмитриевич Коликов в 1980 году сделал гитару в дар В. С. Высоцкому. Но вручить не успел. Шла «Олимпиада-80»... И летом (24 июля — Э. С.) 1980 года В. С. Высоцкий внезапно умер... Где та гитара?»

Генрих Дмитриевич первым по-серьёзному начал работать над темой — живучесть гитар в условиях северных городов («северный вариант»). И его гитары подолгу служили в руках гитаристов Норильска. А климат Норильска — это очень серьёзный экзамен живучести профессиональных струнных музыкальных инструментов. Экстрим музыкальный! Там очень сухо в квартирах зимой, а также в залах и учебных классах. И с этим в то время ничего поделать было нельзя. И гитары там «рассыхались в забор...» в первые же зимы.

Норильчане в те годы были народ богатый. И могли себе позволить на выходные слетать в Москву, посидеть там хорошо в ресторане, сходить в театр или ещё куда... И купить очередную гитару. Они и обратили внимание на уникальную живучесть гитар Г. Д. Коликова.

Климат Урала помягче норильского, но много жестче московского. И тема «северного варианта» струнных музыкальных инструментов для нас очень актуальна. Над ней успешно работают уральские мастера: Т. Д. Титович, Л. И. Кузнецов и Э. И. Соколов. Спасибо Г. Д. Коликову за его советы и рекомендации!

Непросто складывались отношения между мастерами СССР и московскими мастерами. Были нестыковки и среди столичных мастеров. В частности, у Коликова не сложились отношения с фирмой «Миренский Ф. М. и Ко...» А тут ещё факт, что его гитара улетела в космос, вызвал ревнивую реакцию столичных гитарных мастеров. Коликова блокировали. Не допускали продаж его гитар. Генрих Дмитриевич нам рассказывал — как было трудно.

И тут его выручил Север. Егоработки в создании гитар, вы-

▲ Руки гитарного мастера Коликова

ной станции. И гитара прозвучала «в космические дали» — исполнилась мечта Г. Д. Коликова, а жители Земли увидели и услышали это с экранов телевизоров. Но до его космического концерта песню О. Фельцмана на слова В. Войнович «Давайте-ка, ребята, споёмте перед стартом» в космосе уже спели Андриан Николаев и Павел Попович. Песню прозвали «Гимн космонавтов». Настоящим же талисманом для космонавтов стала песня А. Пахмутовой на слова Н. Добронравова «Надежда» в исполнении Анны Герман. Слова «Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома...» покорили всех,

струнная гитара изготовлена московским мастером. А доставил её на космический корабль — комплекс «Салют-6» — «Союз-29» — грузовой транспортный корабль «Прогресс-3».

— Что Вы испытывали, когда смотрели эту передачу? — спросила я у создателя космической гитары Г. Коликова.

— Такую радость я, пожалуй, пережил впервые, — сказал Генрих Дмитриевич. — Узнав, что космонавты оставили гитару в космосе, чтобы ею могли пользоваться новые экипажи, прибывающие на «Салют», решил непременно подарить первому космическому музыканту А. Иванченкову новый инструмент.

Старательно работал мастер. Гриф изготовил из красного дерева, деку поставил еловую, ей исполнилось 250 лет, а чем старше деревянная заготовка, тем звучнее инструмент. Из кавказско-

► Ноябрь 2004 г. Все, что осталось от мастерской Г.Д. Коликова

живающих в сложных климатических условиях, заметили и оценили. И московский богатый гитарный рынок Генриху стал не нужен. Норильск, Свердловск, Челябинск, Новосибирск и другие города Сибири стали рынком сбыта продукции его мастерской.

Так Александр Леонидович Орлов (известный свердловский гитарист с высшим гитарным образованием), оценив гитары Генриха, способствовал их распространению в Свердловске.

А в снабжении материалами помогала давняя дружба с А.К. Гинзбургом. Альфред Карлович поручил Коликову общий контроль за качеством гитар фирмы «Музима», завозимых в СССР по договору из ГДР. Что Генрих Дмитриевич и делал многие годы. У немцев в ГДР с гитарными комплектами было много проще, чем в СССР. Генрих сумел договориться. И его мастерская снабжалась качественными комплектами древесины из ГДР.

Мастерская Г.Д. Коликова была по тем временам «образцово-показательной». Туда водили зарубежных гостей. Сколько гитаристов перебивало там! Мастерская занимала весь подвал длинного пятиэтажного дома. (Адрес: г. Москва, ул. Третья Богатырская, д. 1, корпус 4, подвал). Там была комната приёма гостей — почти зал. Комната-цех, где стояли необходимые деревообрабатывающие станки: токарный, сверлильный, фрезерный; пила циркулярная, пила ленточная и др. Это был комплект австрийского оборудования. Была столярная комната — для ручной столярной работы. Стояли красавец-верстак, столы и стеллаж с инструментами для ручной столярной работы. Была акустическая лаборатория, где стояли ламповые приборы для акустических научных исследований корпусов гитар. Это — генератор частот, анализатор спектров частот фирмы «Брюэль и Кьер», американский ламповый прибор эталонной настройки «Стробокон» и др. (Почему я так уверенно спуска столько лет перечисляю приборы акустической лаборатории и австрийское станочное оборудование? Потому что у меня на экспериментальном участке по изготовлению гитар на музыкальной фирме «Урал» стояли точно такие же комплекты обо-

рудования, тех же фирм. Я в прошлом — музыкальный мастер шестого разряда экспериментального участка музыкальной фирмы «Урал», г. Свердловск, Сибирский тракт, 12). Была там комната-склад со стеллажами, на которых, при определённых климатических условиях, хранилась ценная древесина, необходимая для производства высококачественных гитар: сорта палисандров, чёрного дерева, макассара, венге, клёна, ореха, сорта красного дерева, ели, пихты, кедра и др. Даже была небольшая выставка-музей. Здесь хозяйничал Генрих Дмитриевич. Один! С 50-х годов. Генрих рассказывал, как в послевоенные годы, перейдя на МЭФМИ с автозавода, где работал модельщиком шестого разряда, и устроившись музыкальным мастером, он обходил местные ЖЭУ в поисках сухого подвала, пригодного для обустройства музыкальной мастерской. Он проработал здесь более сорока лет.

Мастерская Коликова закрылась в 1990-е годы с «перестройкой». Генрих Дмитриевич, чтобы выжить в сложных экономических условиях, пустил в свой подвал арендаторов, отдал половину помещений под филиал банка. Успешные арендаторы ликвидировали «космическую» гитарную мастерскую. Произошло это 6 марта 1996 года.

В 2018 году осенью исполнится 40 лет первому космическому концерту. 📺

► Эскиз головки, нарисованный Коликовым

Остров Сосновый — легенды и факты

Фото автора

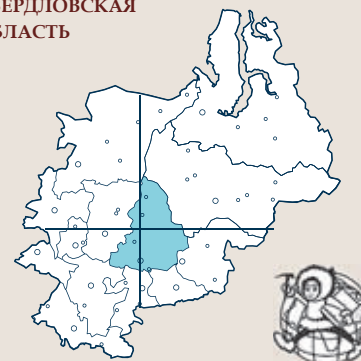
▲ Остров Сосновый

В 20 км к югу от Нижнего Тагила находится Черноисточинский пруд — хозпитьевой источник жителей города. В южной части пруда расположена группа островов: Воровской, Лешаков, Родионов, Ивойлов, Березовый и Сосновый. Последний овеян преданиями. В некоторых повествуется, как основатель Нижнетагильских заводов Акинфий Демидов с мастеровыми производили здесь очистку черновой меди и чеканили монеты.

Остров Сосновый имеет овальную форму площадью 300 на 200 м. Полностью покрыт молодыми деревьями, сосной, березой, всякого рода кустарниками и травой. На южной стороне росла одинокая сосна, которая в 2011 г. под действием сильного ветра упала. В 2003 г. участники географо-краеведческого кружка из Черноисточинского Дома детского творчества посетили остров, приплыв на весельных лодках. Мы осмотрели остров. Он изрыт ямами правильной формы, которые уже заросли травой и кустарником. Осмотрели сохранившийся фундамент, котлован и другие артефакты пребывания здесь человека и деятельности: погреб, оборванные железные цепи, рельсы и куски металла, торчащие из земли. Фундамент, обросший ныне зеленым мхом, аккуратно сложен из прибрежных камней, проложенных песчано-известковым раствором. Размер его — 6 на 5 м при вы-

соте 0,5 м. Рядом — куча камней, результат человеческой деятельности. Другой фундамент, размером 6 на 8 м и высотой не более 20 см, находится на восточном побережье острова. Рядом сохранилась округлая яма диаметром около шести метров с обрывистыми краями и двумя спусками. На бортах кладка из камней и крупных красных кирпичей. Рядом еще две глубокие квадратные ямы, но меньше размером. Побывав на острове в разные годы, задаешься вопросом: что же здесь было почти 300 лет назад?

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Андрей Пичугин

Краевед-исследователь, член Нижнетагильского клуба краеведов и Общества уральских краеведов; внештатный корреспондент городских и районных газет; автор нескольких книг по истории и географии Урала.

► Фундамент на острове

◀ Около каменной кладки

пруда. Вот и приглядел Акинфий себе красивое место на отдаленных островах для уединения.

В 1770 г. Черноисточинский завод посетил немецкий путешественник П. С. Паллас и тоже писал о летнем домике на острове: «... из кои пять верст от пруда на одном построен был летний домик, перенесенный впоследствии в Нижнетагильский завод».

Историк Ю. Н. Юркин свидетельствует о проживавших на острове раскольниках. (Ю.Н. Юркин «Демидовы», 2012).

Основатель завода Акинфий Демидов. Все события, связанные с островом Сосновым, относятся ко времени правления заводчика Акинфия Демидова. В 1729 г. по его инициативе река Черный Исток была перекрыта плотиной, образован Черноисточинский пруд и сооружен одноименный завод, который перерабатывал нижнетагильский чугун в железо. Его отправляли в Центральную Россию и Европу английским подрядчиком. В 1726 г. Демидов преподнес образцы руд князю Меншикову и императрице Екатерине I и просил Берг-коллегию разрешить строить медные заводы в Сибири и на Урале. В том же году по указу императрицы он получил дворянское звание, а в 1740-м ему был пожалован чин статского советника, еще через два года — действительного статского советника. В грамоте указывалось «... в приискации медных и серебряных руд» (Б. Б. Кафенгауз, 1949).

Археологическая разведка. Летом 2010 г. на острове Сосновом побывала археологическая группа из Нефтеюганска. С помощью металлоискателя были обнаружены чугунные плиты, фрагменты металлов, найдены также кованые гвозди, литая чугунная чашка, обожженные камни, заслонка и плита, но шлаков от производства обнаружено не было. В составе экспедиции был кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета Виктор Ивано-

вич Байдин. Он сообщил, что взятые на выявленных объектах грунта и металла пробы при спектральном и биохимическом анализе показали наличие серебра. Все эти находки на острове можно отнести к памятникам старопромышленной металлургии. Найденные предметы хранились в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал». В итоге исследователи выдвинули осторожную версию о присутствии на острове металлургического производства. ...Осторожно беру в руку монетку, найденную на Сосновом, «денгу» 1741 г. выпуска (1/2 коп.), и, глядя на нее, мысленно уношусь в XVIII в.

Первые упоминания об острове. Немецкий ученый И. Г. Гмелин (1709–1755), возвращаясь из Камчатской экспедиции в 1742 г., посетил Черноисточинский завод. В своей книге «Путешествие в Сибирь» Гмелин упоминает острова: «Он [Черноисточинский заводской пруд] раскинулся на 10 верст вверх и имеет между горами приличную ширину и глубину и постоянный приток воды за счет многочисленных родников... Господин Демидов, как и во всех других заводах, имеет свой собственный дом, а на острове, на пруду, в шести верстах завода еще другой...»

Из Невьянского завода в Нижнетагильский дорога проходила через Черноисточинский завод. Акинфий колесил по своим заводам и останавливался в Черноисточинском. Местность горная, красивая, особенно в южной части

▶ У загадочного фундамента

Был слышан о загадочном острове уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. В 1875 г. он упоминает остров в письме своему отцу: «... я помню, что жил один Демидов на одном острове Черноисточинского пруда». А в воспоминаниях «Из далекого прошлого», в очерке «Дорога», развивает тему про острова: «В памяти сохранились только отрывки истории какого-то Демидова, одного из родоначальников этой знаменитой фамилии уральских заводчиков, который жил где-то на островах Чёрного озера, под Белой горой».

В очерке «Платина» Мамин-Сибиряк рассказывает трагическую историю: «В дальнем конце Черноисточинского озера есть несколько островков, на которых жил какой-то из Демидовых, в Выйском музее хра-

нится старинный шкаф, вывезенный с этого острова. Припоминаю слышанный еще в детстве рассказ, что Демидов похоронил заживо на этих островах красавицу жену, насколько это верно, не умею сказать».

Дом для знатных гостей «Красные хоромы». В 1766 г. из-под Черноисточинского завода перевезли так называемые «Красные хоромы», большой деревянный господский дом, который был построен на острове Сосновом. Его поставили около управления Нижнетагильских заводов по повелению Н. А. Демидова. В записках «Историко-бытового отдела Госу-

дарственного Русского музея», изданных в Ленинграде в 1932 г., значится, что налево от нижнетагильской заводской конторы — старые демидовские «красные хоромы», недалеко от них — ворота, ведущие в обширный двор. «Красные хоромы» служили местом остановки на ночлег знатных людей. В 1868 г., путешествуя по России, великий князь Владимир Александрович со «свитой» посетил и Нижнетагильский завод. Великого князя разместили в большом доме. Остальных — по квартирам, в том числе Миддендорфа и его сына, секретаря Сытина, главного начальника, егеря и магазинера разместили в нескольких комнатах «Красных хором» (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1694).

В справочной книге историка Ф. П. Доброхотова «Урал Северный, Средний, Южный», изданной в 1917 г., имеется такая запись: «Из старинных зданий обращает внимание находящееся около главной заводской конторы деревянное здание, перенесенное сюда с одного из островов Черноисточинского озера. В этом доме, в тиши уединения, жил владелец Тагильской вотчины Акинфий Никитич Демидов».

Горный инженер Василий Иванович Рожков в 1851–1855 гг. был помощником горного начальника Екатеринбургских заводов, заведовал Монетным двором и механической фабрикой. Извест-

но несколько его работ по истории и механике, опубликованных в «Горном журнале». Он пытался разгадать по архивным документам того времени тайную затею Акинфия Демидова по очистке черновой меди и получения слитков серебра на Невьянском заводе. Он тоже упомянул один из островов на Черноисточинском пруду.

Аникита (Никита) Сергеевич Ярцев (1737–1819), родом из Екатеринбурга, окончил Екатеринбургскую горную школу, жил на правом берегу заводского пруда. А. С. Ярцев написал обстоятельное исследование горного дела с древнейших времен до начала XIX в. «Российская горная история». Привожу цитату: «... первую выплавленную в Кольвани чёрную медь на речке Локтевке Демидов распорядился отправить водою в Невьянский завод. Известно и даже самыми опытами доказано, что ни одной колыванской медной руды без содержания серебра и свинца почти совсем не бывает, следовательно, чёрная медь выплавлялась у Демидова со свинцом и серебром; по преданиям же старожилов известно, что для очистки оной устроено было на одном из островов Черноисточинского озера (теперь пруд при заводе того же имени, в 20 верстах от Нижнетагильска) фабричное здание, где не только черная медь нанятыми иноземными искусными плавильщиками отделилась, но даже серебро от свинца доставалось» (Горный журнал, 1891). «Российская горная история» хранится в библиотеке Горного института в Санкт-Петербурге.

Подземелья около Невьянской башни. События на Сосновом острове переключаются с легендами, связанными с Невьянской наклонной башней. Якобы в ее глубоких подземельях мастеровые Демидова производили очистку черновой сибирской меди и чеканили фальшивые монеты. На верхнем ярусе башни были поставлены дозорные. Когда со стороны Екатеринбурга они заметили поднимающуюся пыль от кареты с прибывающим ревизором из Санкт-Петербурга, Демидов приказал открыть шлюзы и затопить подвалы, где работали мастеровые-каторжники. Все оборудование для чеканки монет с людьми ушло под воду.

События, не связанные с островом Сосновым, но имеющие отношение к добыче серебра-

◀ Погреб

ных руд. В Нижнетагильском округе в ведомостях рудников и приисков, составленных в 1823 г., рудников по добыче серебряной руды не числилось, но в документах встречаются сведения, что свинцово-серебряную руду добывали в Павловском, Анатольском и Уткинском рудниках того же округа. Так, в 1819 г. из Нижнетагильской конторы писали в Черноисточинскую: «Во исполнение указа Пермского Горного Правления, от 20 числа ноября 1818 года предписывается Черноисточинской конторе заявленные прииски Невьянского завода крестьянами Беляевыми, полагаемый серебро содержащий, по получении сего, немедленно отправить на означенный прииск для разработки и добычи из оного руды, а какой успех в разработке и добыче руды будет, здешней конторе рапортовать». (ГАСО. Ф. 622. Оп. 1. Д. 389. Л. 241).

За познаниями в Саксонию. Нижнетагильские штейгеры в 1825 г. были отправлены в Саксонию для осмотра серебряных и свинцовых рудников и за опытом по добыче руд и получении серебра, золота посредством плавки. Из доклада штейгера Терентия Монзина: «... серебряные и свинцовые руды, каким образом там добываются, то нашему может практике по замечанию нашему происходить. Из пробовать можем серебряную и свинцовую и золотую руду, через огонь с потребным нужными состояниями и проплавкою означенные металлы одно от другого отделить, свинец от серебра, а серебро от свинца. Можем посредством ртути серебряную руду довести или превратить в чистое серебро, так равно и золото из шлих. Нужны составы для серебра чистый свинец, для свинцу красноватый камень, селитра,

буры, соли белой». (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 154).

Уткинский серебряный рудник по добыче серебра находился в 22 верстах от Висимо-Уткинского завода на реке Агафонихе, впадающей в реку Межевую Утку с левой стороны. Рудник, открытый служителем Ефимом Коряковым, разрабатывался с 1833 г. по 1837 г. 12 декабря 1853 г. смотритель прииска Ефим Коряков написал отчет управителю Нижнетагильских заводов П. Н. Шиленкову: «Господин Андрей Николаевич Карамзин лично мне приказал в действие свое явиться к вам, как хозяину заводов, и отдать полный отчет о своих действиях по разведанному Серебряному руднику...»

14 мая 1858 г. из Меднорудянской медной конторы в управление Нижнетагильских заводов отправлено представление. «При Уткинском Серебряном руднике, находя-

щеся в остановке уже около 4 лет имеется корпус, где была помещена паровая машина, казарма, конюшня, кузница, где полное действие водоподъемной машины, из подвижности лес..., за сохранностью которых находятся два караульщика...»

Управляющий Нижнетагильских заводов предписал контроле медных и железных рудников 24 мая 1858 г.: «... управление разрешает сдать висимо-уткинской конторе упомянутое имущество Уткинского Серебряного рудника и двух караульчиков провести по своему усмотрению на другие места, имеющиеся в горе водоподъемную машину отправить в здешнее механическое заведение». (ГАСО.Ф. 643. Оп. 2. Д. 259. Л. 32). Так закончилось действие Серебряного рудника, поставившего серебро на Екатеринбургский монетный двор.

Командировка на Алтайские рудники и заводы. 21 июня 1858 г. из Нижнетагильского заводоуправления — горному начальнику Алтайских заводов А.Р. Генгроссу: «Милостивый Андрей Радионович, служащий нижнетагильских господ Демидовых заводов Федор Шушпанов, командирован вместе со штейгером Рудянского рудника Китаевым, для осмотра серебряных рудников в Алтайском округе... В.К. Решет».

Из инструкции, выданной Ф. Шушпанову: «...Собрать коллекции руд, добываемых в Колывано-Воскресенских рудниках с надлежащим описанием их... Собрать сведения по серебряной плавке». Из Барнаула Ф. Шушпанов писал: «5 числа июля мы прибыли в Барнаул. Дорога наша благополучна, только задержало нас на реке Иртыш, около половины суток за перевозом...» (ГАСО.Ф. 643. Оп. 1. Д. 1358. Л. 12). К сожалению, о дальнейшем пребывании на Алтайских заводах нижнетагильских служащих в этом деле сведений не сохранилось.

Алтайский вариант легенды заключается в том, что тайная плавка на Колывано-Воскресенском заводе тоже производилась на острове, находящемся на Белом озере. Алтайская легенда сформировалась в XX в. и, возможно, перенесена с Урала. В 1723 г. на Алтае было открыто знаменитое Колывано-Воскресенское медное месторождение и построены одноименные заводы. В 1736-м на Алтае были открыты серебряные руды на речке Кораблихе, в 1742-м открыли Зме-

иногорский рудник. С Колывано-Воскресенских заводов в Санкт-Петербург с 1771 до 1781 года доставлено 753 пуда чистого золота и 20 007 пудов серебра. Сколько же сам Акинфий Демидов с мастерами выплавил из алтайских руд золотистого серебра, мы никогда не узнаем. Историк И. М. Шакинко считал, что тайная плавка драгоценных металлов на демидовских заводах — это уже исторический факт, а не легенды. По утверждению кандидата исторических наук В.И. Байдина, во времена первых Демидовых действовал Урало-Алтайский комбинат по очистке серебряносодержащих руд.

Легенды и были. Но имеет ли отношение к этой деятельности остров Сосновый? Пока убедительных свидетельств этого не найдено.

Детальных исследований не проводилось. Жители Черноисточинска, побывавшие на острове, говорят о фундаменте, погребках, ямах, напорных стенках из красного кирпича... Возможно, на острове Сосновом находился потаенный старообрядческий скит, удаленная демидовская заимка или место проживания лесорубов в пору, когда очищали от леса территорию для будущего заводского пруда. Возможно, прав И.Г. Гмелин, писавший, что на острове был дом Акинфия Демидова, где жила его прислуга из старообрядцев и где иногда появлялся сам хозяин заводов.

Для сохранения выявленных объектов промышленной археологии необходимо включить территорию острова в реестр объектов культурного наследия. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

УРАЛЬСКИЙ **снеговiм** ИСМ 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговiм** ИСМ 0134 - 241X
www.uralstalker.com

Интеллектуальная квест-игра Крымские подвиги военной истории всех времен

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Апрель 2017

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ

Окончательное решение

50

62 **Координаты чудес**

ДМИТРИЙ ВОРОЖЦОВ

По ту сторону зеркала

62

78 **Повод для улыбки**

СЕРГЕЙ БУЛГАКОВ

Чёрт-34

78

Окончательное решение

Дмитрий Козлов

Родился в 1986 году, вырос и живёт в городе Киеве. В жизни успел примерить множество «ролей» — от заводского рабочего и медработника до реставратора и историка искусства. И каждую из этих «ролей» играл всерьёз, по-настоящему. Единственное, что оставалось неизменным, — любовь к литературе во всём её многообразии. За писательское ремесло взялся несколько лет назад, и относится к нему так же, как и к прочим своим начинаниям — всерьёз. Опубликовал несколько рассказов и надеется опубликовать ещё.

В юности Максим запоем читал романы-нуар, выходявшие тогда в отвратительных обложках и ещё более жутком переводе в сериях с названиями вроде «Остросюжетный криминальный роман». Раймонд Чандлер, Дешил Хэммет и многие другие... Целый мир, втягивавший юное воображение в головокружительный водоворот приключений и интриг... Конечно, с тех пор всё — включая литературные вкусы — успело много раз измениться, но именно из тех книжонок с жёлтой бумагой и частыми опечатками Максим унаследовал любовь к интерьеру в духе кабинетов частных детективов: широкий дубовый стол с вечной горой бумаг, окно во всю стену и антикварный вентилятор под потолком, несмотря на кондиционер, по-прежнему гонявший мух и сигаретный дым. Вращение его лопастей приводило мысли в порядок.

Циничные герои «крутых детективов» так же много курили и пили, и если со спиртным Максиму было за ними не угнаться — он мог иногда выпить несколько кружек пива, но не более — то с цинизмом и курением дела обстояли куда как лучше: в последние годы пренебрежение и презрение ко всему вокруг переполняло его доверху, как окурки — вместительную пепельницу, стоявшую на его столе.

Морщась и отмахиваясь рукой от очередного табачного облака, проплывавшего мимо, Нелла бросила на стол фотографию.

— Мне нужно что-то вроде этого.

Выпустив дым и положив сигарету в пепельницу — с трудом отыскав для неё место — Максим подвинул картинку поближе. Внимательно рассмотрев изображение, оказавшееся распечаткой с Википедии, он посмотрел на Неллу, слегка поморщившись от множества ярких бликов, отбрасываемых стразами, драгоценностями, украшениями

и прочей блестящей ерундой, под которыми хозяйка была похоронена столь надёжно, что походила на ходячую новогоднюю ёлку. Он едва заметно улыбался.

— Вы хотите, чтобы я раздобыл для вас корону Свинтилы? Возможно, вы не в курсе, что её похитили из музея в Мадриде ещё в 21-м году и никто сегодня не...

— Я же сказала: что-то вроде, — повторила Нелла тоном, каким, должно быть, вталдычивают Букварь слабоумным. Максиму этот тон не понравился. — Не прикидывайтесь дурачком, я не за это плачу вам сумму, достаточную для роскошной жизни в течение нескольких десятков лет. Я хочу похожую корону. И мне нужно, чтобы вы достали её мне.

Максим вновь уставился на чёрно-белое изображение знаменитой короны короля Свинтилы, найденной в середине 19-го века неподалёку от Толедо и до своего исчезновения представлявшей собой жемчужину коллекции Мадридского Национального археологического музея. Это была так называемая вотивная корона, использовавшаяся в церковных обрядах, но такой безмозглой «светской львице», как Нелла, в принципе можно подsunуть любую безделушку и она не заметит разницы. Хорошо, хоть не промахнулась со временем и выбрала вестготов... А то ведь её пустая черепная коробка могла и не содержать информации о Прорыве и том, что для «перехода» в прошлое открыты лишь несколько десятилетий 5-го века нашей эры. Видать, кто-то — возможно тот, кто покупал все эти безделушки — был несколько умнее и дал ей пару советов. Что ж, Максим не видел никаких причин для отказа. Как обычно.

— Мы договорились, — сказал он, откинувшись на спинку кресла и глубоко затягиваясь крепким,

скребущим горло дымом. — Через неделю получите свою железку.

— Отлично! — воскликнула Нелла и улыбнулась, демонстрируя столь качественно отбеленные и сияющие зубы, что из её рта будто светило множество фонариков. — Значит, меня не обманули: вы действительно профи.

«Да уж, — угрюмо подумал Максим, глядя на лицензию, разрешающую «переход», висящую в рамке на стене рядом с репродукцией Пита Мондриана. — По добыче барахла из прошлого для подобных тупиц я действительно профи».

Когда Нелла наконец убралась, Максим занялся невероятно архаичной деятельностью — чтением бумажной книги. «История Вестготов» Дитриха Клауде быстро помогла определить район поисков: работать предстояло в Аквитании — исторической области на юго-западе Франции, в середине 5-го века завоёванной вестготами, создавшими там фактически независимое от римских императоров королевство со столицей в Тулузе.

Тулуза.

Включив компьютер, Максим быстро заказал билет на самолёт — к счастью, имелся беспересадочный рейс — и без особого труда нашёл координаты ближайшего Провала на окраине современного города. Затем он проверил погоду в Тулузе — плюс пятнадцать, дождь, ветер — и, недовольно ворча, встал и направился к занимавшему всю стену шкафу, где хранилось оружие и снаряжение. Открыв дверцу, он вытащил рюкзак и внезапно понял, что за прошедший после последнего «перехода» месяц успел подзабыть, что именно нужно брать с собой. Впрочем, руки сами тянулись к необходимому — короткой штурмовой винтовке в чехле, газовой горелке и двухдневному пайку в упаковке, флисовой коф-

те и чёрному армейскому спецкостюму. Бросив всё это — а также книжку о вестготах, чтобы скоротать время в полёте — в рюкзак, Максим застегнул молнию и вздохнул. Отчего-то на душе было тоскливо: должно быть, проклятый моросящий дождь, не стихающий уже три дня, всему виной. Но ничего — дальние поездки всегда щекотали нервы, прогоняя прочь хандру.

А сегодня ему предстоит очень дальняя поездка — сначала две тысячи триста километров до Тулузы, а затем тысяча восемьсот пятьдесят лет до середины пятого века нашей эры.

Максим расслабленно поглаживал руку, зудевшую после множества уколов — помимо туберкулёза, дизентерии и холеры, необходимо было делать прививки от совсем уж забытых болезней вроде лепры, тифа и, конечно же, Её Величества Бубонной Чумы. В дрожащем, размазанном свете фонарей за мокрым стеклом такси, несущегося в аэропорт, проносились громадные мусоровозы, направлявшиеся в сторону местного, Киевского провала. Скоро ещё одна порция отходов жизнедеятельности современного человечества рухнет на головы человечества древнего. Господи, даже за год успешного функционирования «Окончательного решения» он не мог свыкнуться с мыслью, что всё это правда. Сейчас все воспринимают это как норму, как будто так было всегда... Но всего лишь год назад...

Год назад всё было иначе. Он помнил день, когда китайцы объявили о Прорыве: демонстрации религиозных фанатиков, разгоняемые водомётами, триумф учёных и грандиозные планы множества людей. Затем — всё то же самое в десятой степени, когда выяснилось, что пятый век нашей эры, в который ухитрились попасть учёные университета Ланьчжоу, является параллельным временным

поток — а значит, можно творить там что угодно, хоть застрелить своего пра-пра-пра-и-так-далее-предка, не опасаясь проблем с собственным рождением в будущем. Все, вплоть до глав государств, не скрывали алчных взглядов, направленных в прошлое: колонизация, добыча ресурсов и прочие способы эксплуатации параллельного мира из научной фантастики захватили умы жителей Земли... В прошлое отправились хорошо вооружённые и оснащённые экспедиции, ограниченные лишь в использовании электроники, которая по каким-то неясным причинам в прошлом дольше суток не функционировала... Мир стоял на пороге удивительной новой эпохи...

И тогда, как обычно, начались проблемы. Первой ласточкой была новость о том, что тяжелобольные, страдающие раком, СПИДом, диабетом и другими тяжелыми патологиями, умирают практически немедленно после «перехода». Остальные, на первый взгляд, переживали его без ощутимого ущерба.

А потом узнали о «болезни Провала».

Однажды, ненастным осенним вечером, Йоханнес Торвальдсон, бывший военный и наёмник печально известной американской военной компании «Blackriver», внезапно открыл огонь по работникам и покупателям в круглосуточном супермаркете своего родного города Куусамо. С пеной, капавшей изо рта, он успел застрелить тринадцать человек — в том числе четверых детей — прежде, чем рухнул замертво от разрыва сосудов и обильного кровоизлияния в мозг. К утру новостные телеканалы передали сообщения о десятках подобных случаев. К вечеру следующего дня — о сотнях. Все они были связаны с участниками экспедиций в прошлое, которое тогда как раз начали на-

зывать Новым Пятым Веком. Тех, кто ещё не успел свихнуться, поместили под стражу, и в течение следующей недели почти все они умерли.

А те несколько десятков, что выжили, вышли из стен исследовательских центров совершенно такими же людьми, как и прежде. Таинственный недуг, по всей видимости, связанный с особенностями перемещения сознания во времени, их никак не затронул.

Экспедиции немедленно оказались под тотальным запретом. Крах надежд миллиардов людей был столь невыносимым, что по миру прокатилась волна кровавых восстаний и терактов, сошедшая на нет лишь несколько лет спустя. Тем временем передовые умы человечества раздумывали над тем, как же использовать Новый Пятый Век, если в него нельзя послать ни людей — кроме кучки обладающих чем-то вроде иммунитета — ни технику, имеющую в своём составе электронику. Именно тогда родилось шокирующее, безумное и спасительное «Окончательное решение»...

Такси остановилось у дверей терминала аэропорта, прервав расслабленный поток воспоминаний. Максим рассчитался с водителем и, сморщившись от мерзкого дождя, повесил на плечо рюкзак и направился внутрь.

Час спустя, устав смотреть на монитор, прикреплённый к спинке сидения впереди — по каналу «Дискавери» торжествующе вещали об исчезновении Великого Тихоокеанского Мусорного Пятна — Максим вновь — на этот раз неторопливо и вдумчиво — обратился к книге Дитриха Клауде.

Вестготы.

Честно говоря, он знал об этом народе больше простого обывателя, но всё равно лишь то, что входило в школьный курс истории: варвары, опу-

стошавшие захиревшую Западную Римскую империю и разграбившие Рим в 410 году... Позже расширили пределы своего королевства, включавшего в период расцвета Аквитанию и большую часть Испании, но вскоре растворились в бурлящем котле Тёмных веков, где то и дело рождались новые нации, а старые исчезали без следа... Да и эту информацию он почерпнул не из школьных учебников — учился он не слишком прилежно — а из Википедии, когда, будучи студентом младших курсов, встречался с девушкой-готессой и, желая побольше узнать об этой субкультуре, по ошибке попал на статью о древнем народе. Тогда, бегло прочитав об историческом пути этого племени, он быстро классифицировал их как жалких дикарей, в числе прочих им подобных народностей лишь мелькнувших на арене свихнувшейся истории пост-античной Европы. Но сейчас, листая страницы посвящённой им книги, он с удивлением обнаруживал всё новые свидетельства довольно развитой и самобытной культуры, созданной этими людьми. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с великой римской цивилизацией, окончательной гибели которой вестготы весьма поспособствовали, но, тем не менее, они создали собственный правовой кодекс — Вестготскую правду — а их прикладное искусство, вновь открытое после обнаружения знаменитого клада в Гварразарре, было невероятно ярким и самобытным. Значит, у этой богатой капризной дуры, заказавшей ему «что-то вроде» вотивной вестготской короны, всё же имелся какой-никакой вкус. Или, что вероятнее, пресыщенность толкала её на поиски всё более экзотических украшений... Впрочем, мотивы заказчиков Максима не интересовали. Он просто доставал вещи и получал за это деньги.

Вздохнув, Максим отодвинул занавеску иллюминатора и посмотрел в чернильный мрак за бортом. Скоро должно начаться снижение.

Процедуры досмотра в аэропорту прошли как обычно: удивление на лицах при виде оружия в сумке сменялось пониманием, стоило ему показать удостоверение «ныряльщика». Дополнительной проверки удостоверения на подлинность не требовалось: на сегодняшний день в мире насчитывалось лишь одиннадцать его коллег — двенадцатый, Марк Суинтон, на прошлой неделе не вернулся из Мексики, где совершил «переход» по заказу местного археологического ведомства, с целью выяснить подробности зарождения цивилизации тольтеков — и все они были людьми, которых узнавали в лицо, как кинозвёзд. Новые «ныряльщики», которых набирали из числа заключённых, пожелавших рискнуть и осуществить «переход», было совсем немного, и все они по возвращении направлялись в какой-то центр, где медленно формировалась группа «ныряльщиков» для организации пробной нефтедобычи с помощью архаичной гидравлической техники бурения, несмотря на данные о том, что нефть из прошлого по каким-то причинам после «перехода» лишается своих свойств. Так что этих «новичков» почти никто не видел, и первые «счастливчики» оставались «хозяевами прошлого».

Усевшись в предварительно заказанное такси, Максим сразу направился к Провалу; за стеклом огни ночной Тулузы растекались в потоках дождя. Совсем как дома.

Выбравшись из такси у ворот Провала, Максим с наслаждением закурил; воздух вокруг, как всегда около Провалов, переполняло зловоние, ещё недавно бывшее привычной атмосферой в большинстве

городов мира. Вонь гниющего мусора. Теперь она будто загнана в резервации.

Докурив, он направился к огромному, ярко освещённому зданию, в высокие ворота которого днём сплошным потоком въезжали гружённые мусором грузовики. Сейчас, как он и рассчитывал, был полуденный перерыв и гигантские ворота были закрыты; лишь маленькая калитка оставалась распахнутой, выпуская наружу яркий свет. Под ногами то и дело попадались какие-то отбросы и хлам, выпавшие из мусоровозов, и Максим шагал аккуратно, глядя под ноги. Дождь усилился, и, накинув капюшон, «ныряльщик» ускорил шаг.

Внутри, несмотря на орудующие автоматические машины, постоянно моющие бетонный пол специальным раствором, воняло сильнее, чем на улице. Один из операторов в синем комбинезоне, завидев его, тут же подскочил и, скользнув взглядом по удостоверению, залепетал что-то по-французски. Бесстрастное, как у манекена, лицо с гитлеровскими усиками и блестящими крысиными глазками из-за яркого света казалось белым, как мел. Максим вставил в ухо портативный переводчик, и трёп оператора наконец-то стал понятен. Всё, как обычно: до возобновления сброса отходов в Провал ещё сорок минут — более чем достаточно. Они направились к отверстию Провала, мерный гул отражался эхом от металлических стен ангара и наполнял воздух едва ощутимой вибрацией, от которой по коже бежали мурашки.

— У вас найдётся подъёмник и страховочный фал? — спросил Максим. Выходы из Провалов на «той» стороне обычно располагались примерно в тридцати метрах от земли, и без страховки «переход» мог закончиться весьма плачевно. Француз усмехнулся.

— Вы, должно быть, давно в последний раз «ныряли»?

— Месяц назад, — ответил Максим, уворачиваясь от жужжащей машины-уборщика.

— Страховка вам не понадобится. А вот противогаз лучше наденьте.

Максим удивлённо посмотрел на оператора — уж не шутит ли он? Но мертвенно-бледное лицо француза оставалось безжизненным. Что ж, раз он говорит, что страховка не требуется... Может, они на ту сторону какой-то трап сбросили?

Наконец, они оказались у края Провала. Заключенный в стальной круг, он напоминал бассейн: внутри дрожала и переливалась желтым и красным таинственная субстанция, над природой которой продолжали ломать голову учёные.

— Мы будем спускать лестницу ровно в двенадцать ноль-ноль, в течение пяти дней, — сказал оператор.

— Не стоит, — ответил Максим. — Двух будет достаточно.

Француз молча кивнул, глядя на странную, будто живую поверхность Провала. А затем повернулся к Максиму, и на губах его мелькнуло подобие улыбки.

— Что ж, тогда удачной «охоты». И не забудьте сгруппироваться перед прыжком, — бросил он и удалился, оставив Максима одного. «Ныряльщик» не стал долго ждать: с Провалом он старался поступать так же, как с прыжком в бассейн с вышки в детстве. Нужно подходить к краю и прыгать и уже в полёте переживать страх, сомнения и прочую подобную чушь... Если позволить им проникнуть в душу до прыжка, то никогда его не совершишь. Вздохнув, он посмотрел напоследок по сторонам — на близкие, блестящие отраженным светом мощных ламп

стены огромного ангара — и, закрыв глаза, шагнул вперёд...

...и сразу же по щиколотку увяз ногами в чём-то вязком и противном. Вокруг царил чернильный мрак. В нос ударила столь жуткая вонь гниющих отбросов, что Максим едва успел натянуть противогаз. С неба низвергались потоки мощного ливня, превратившие в кашу то, на чём он стоял.

А чем это было, он уже догадывался.

Он вновь осмотрелся и не заметил ни единого, даже размытого, огонька: Тёмные века были тёмными в прямом смысле, а пятый век если и не относился к ним, то лишь хронологически. Но на этот случай имелся встроенный в противогаз прибор ночного видения.

В зеленоватой дымке он увидел не намного больше, чем невооруженным глазом: дождь скрывал всё плотной завесой. Но главное было ясно — он стоял на вершине огромной, как минимум тридцатиметровой горы.

Горы мусора.

Склоны полого уходили вниз. «Что ж, — подумал Максим, — не следует задерживаться в этом прелестном местечке». Посмотрев на компас и определив север, он осторожно зашагал вниз. Выудив по пути из сумки счётчик Гейгера, он обнаружил то, что и ожидал: присутствует умеренное радиационное заражение. Несмотря на запрет сброса радиоактивных отходов где-либо, кроме специально отведённых Провалов над Южным полюсом и Кипром (Кипр всегда казался ему странным выбором), все то и дело его нарушали.

Путешествие вниз по мусорному склону в шестящей зеленоватой мгле напоминало медитацию: мысли стали мягкими, вялыми и громоздкими и двигались медленно, подобно облакам... К тому

времени, как он преодолел половину спуска, ливень прекратился и ему удалось разглядеть на севере что-то, напоминающее слабые огни. Должно быть, это и была вестготская столица. Вскоре из-под мусора стали виднеться верхушки деревьев и Максим спустился к подножию горы, в лес.

Ему нужно было отойти подальше, чтобы расположиться на ночлег: в подобном зловонии он едва ли сумеет провести ночь. Пришлось достать винтовку. Лес пятого века мало чем напоминал современный: повсюду могла таиться опасность. Включив подствольный фонарь, он направился в чащу. Промокший хворост почти не хрустел под ногами, с мокрых листьев порывы ветра то и дело обрушивали маленькие дожди. Лес из лиственного постепенно превратился в хвойный, а мусор, поначалу почти скрывававший под собой почву, постепенно остался позади. Спустя час, когда он едва не рухнул в небольшой ручей и потревожил целое семейство зайцев, вихрем умчавшихся прочь, Максим решил, что отошёл достаточно далеко, и снял, наконец, противогаз. Ноздри заполнил запах мокрой хвои. Нацепив налобный фонарь, он скоро нашёл место, пригодное для ночлега: вывернутое бурей с корнями дерево оставило после себя небольшую и довольно сухую пещеру. Он быстро разбил палатку; несмотря на почти незаметный в ночи чёрный тент, он на всякий случай забросал её сосновым лапником: мир Тёмных веков был почти безлюден, но всё же следовало соблюдать осторожность. Дополнительным рубежом обороны служили специальные устройства, выставленные по периметру вокруг палатки и настроенные на активацию в случае вторжения крупного — вроде медведя — животного или же человека. Штуковины устраивали настоящее световое шоу, с ослепляющими вспышками и страшным грохо-

том: будучи абсолютно неопасным, всё это могло отпугнуть любого зверя, а уж носителя средневекового суеверного сознания и вовсе свести с ума, заставив бежать напрямик в церковь и молиться о защите от разбушевавшихся бесов...

Забравшись внутрь, он залез в спальный мешок, положив рюкзак под голову. Мысль почитать немного книгу о вестготах быстро ушла: после долгих лет безделья от такой короткой прогулки он довольно сильно вымотался. К тому же, завтра он начтается вдоволь. С мыслями о том, какие огромные, растущие днём и ночью горы мусора высятся теперь по всему этому миру, он провалился в сон, и даже хрюканье и топот пробежавшего ночью рядом с палаткой стада диких кабанов его не разбудило.

Утром его разбудили лучи солнца, проникавшие в палатку через тент. Выбравшись наружу, Максим зевнул и потянулся: утро выдалось довольно тёплым, воздух после дождя насыщал запах озона и влажного леса, повсюду вокруг звучали птичьи трели. Он достал котелок и бутылку с водой. Мелькнула мысль сходить за водой к ручью, который он проходил вчера — в конце концов, приятнее готовить пищу на родниковой воде из доиндустриальной эпохи, нежели использовать бутилированную... Но мысль о том, на что может быть похожа вода вблизи такой горы отходов, быстро отрезвила его, и он налил воду из бутылки. Залив растворимое пюре и словав его с рыбной консервой, он вылил остатки воды в кружку с чаем и с наслаждением, медленно выпил его, наблюдая за грациозным оленем, мелькнувшим среди деревьев совсем рядом и не удостоившим его своим вниманием. Вспомнился один его коллега — Тосиро Такаяма, промышлявший добычей пищи из прошлого для фешенебельных ресторанов. Говорили, что оленина из про-

шлого вкуснее современной, но Тосиро редко разменивался на подобные «мелочи»: поговаривали, что не так давно премьер-министр одной восточноевропейской республики получил на заказ жаркое из мяса вымершей в семнадцатом веке птицы дронта, добытой Такаемой на Маврикии... Другой его коллега промышлял «извлечением» из прошлого редких и вымерших животных. Несчастные зверюшки умирали спустя сутки-другие после перемещения — от собственной разновидности «болезни Провала» — но это не останавливало «ныряльщика», и его передвижной «Зверинец Клода Готье», помимо толп разъярённых защитников окружающей среды, собирал ещё большие орды посетителей. Максим подумал о том, что, как минимум, половина «ныряльщиков» отказалась от участия в разнообразных научных проектах и предпочитала фактически заниматься мародёрством и грабежом, пусть и в сотнях лет от ближайших грозящих им законов... Они были стервятниками, спешащими за огромные деньги отрывать куски от мира, ставшего гигантским мусорным баком...

Допив чай, Максим собрал палатку, и, забросив рюкзак и винтовку за плечи, двинулся дальше на север. Он подозревал, что идти придётся недолго. И вот уже впереди среди тёмных стволов замаячило нечто, напоминающее огромные валуны. Однако Максим знал, что это никакие не камни: он уже видел подобное несколько раз, работая в Европе и Северной Африке. Это были развалины. Руины римской Тулузы, давно превращённые ливнями и людьми, использовавшими их как каменоломни, в почти бесформенные нагромождения камня, в которых лишь иногда угадывались стены, арки, колонны, а порой — даже скульптуры. Несмотря на формальное существование Западной

Римской империи вплоть до четырёхста семьдесят шестого года нашей эры, на деле ещё существовавшие европейские города уже несколько веков пребывали в катастрофическом упадке и больше напоминали постапокалиптические поселения из произведений современных фантастов: посреди огромных руин, часть которых уже поглотили наступающие леса, ютились горстки деградировавших жителей; в некоторых случаях — как, например, в городе Немаусе, в который он навещался лет восемь назад — всё население умещалось в пределах бывшего римского амфитеатра... Глядя на столь кошмарное вырождение, Максим всегда с грустью думал о том, почему китайцам не удалось прорваться в более благополучную эпоху...

Впереди забрезжил свет, и Максим замедлил движение: должно быть, начиналась не заросшая лесом часть города, а, следовательно, в ней могли быть люди. Несмотря на техническую возможность уничтожить любого агрессора, а остальных обратить в бегство, Максим предпочитал не вступать в стычки. Лишь однажды ему пришлось применить силу, наголову разгромив отряд вандалов близ современного Туниса... после этого он несколько месяцев просыпался с застывшим в горле криком, видя перед глазами их лица... Странно, учитывая его циничность...

Подобравшись к опушке, Максим забрёл в нечто, когда-то, должно быть, служившее конюшней, и, выудив из рюкзака бинокль, сквозь дыру в стене осмотрел открывающийся пейзаж. Город впереди также был разрушен и находился в запустении: дома стояли без крыш, стены некоторых чернели следами пожаров, от многих и вовсе остались лишь фундаменты... Однако впереди виднелось нечто, говорившее о присутствии жизни в этих руинах: на поле, рас-

положенном, судя по остаткам колоннады, на месте Форума, паслось несколько свиней; в стенах некоторых домов виднелась новая кладка и другие следы попыток восстановления; кое-где над дымоходами вился дымок. Вдруг Максим увидел двух всадников, медленно выехавших на улицу из заросших высокой травой развалин огромного здания, возможно, бывшего в прошлом городскими термами. Внимательно присмотревшись, он опознал в них воинов, но при этом заметил некоторые детали, заставившие его едва не прыснуть от хохота: щитом одному из них служила большая крышка от кастрюли, притороченная к седлу; у другого шлем был явно сделан из отслужившего своё помятого чайника. Они напоминали карикатуры или персонажей какой-нибудь кинокомедии. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: огромные горы помоев и хлама, которые сбрасывало на них современное человечество, не могло не оказывать влияния на их быт и культуру. В прошлом он ничего такого не замечал, но ведь он был здесь целых пять лет назад, а время и в этом Новом Пятом Веке не стоит на месте. К тому же, мусора явно прибавилось...

Спрятав бинокль, Максим направился обратно, в лес. Углубившись в чащу достаточно далеко, чтобы не быть замеченным, он расположился в источенных дождями, вросших в землю почти наполовину остатках какого-то храма. Обломки колонн перриптера торчали из земли вперемешку с деревьями, белея, будто кости какого-то давно умершего животного. Усевшись у подножия одной из них, Максим достал книгу. Ему предстояло пробыть здесь целый день, до темноты, когда под покровом ночи он сможет приняться за работу.

Постепенно чтение захватило его, хотя он по привычке и оставлял какую-то часть внимания для от-

слеживания окружающей обстановки. Опыт подсказывал ему, что немногочисленные жители подобных поселений, затерянных среди опустевших, поглощаемых лесами земель бывшей империи, стремились жаться друг к другу, не покидая территорию, прилегающую к жилищу, но всё же можно было столкнуться с диким животным или заблудившейся шайкой разбойников... Поэтому винтовку Максим держал под рукой...

Среди прочего в разделе о фольклоре готов Максиму попала прекрасная легенда о принцессе Аталирии и её возлюбленном Виттерихе, своей лиричностью и трагизмом напоминающая известный, но гораздо более поздний рыцарский роман о Тристане и Изольде. Как раз когда он запоем глотал строки о том, как влюблённые гибнут в объятиях друг друга от зелья злодейки-колдуньи, некое странное чувство, развившееся со временем после множества дней и ночей, проведённых в диких и потенциально враждебных краях, подсказало ему, что поблизости кто-то есть. Максим оторвался от книги... и увидел совсем близко, буквально в нескольких метрах, огромного волка, задумчиво смотревшего на него. Зверь был довольно худым, грязно-серая шкура зияла проплешинами, на морде отчётливо виднелись следы крови. Максим медленно положил руку на винтовку, готовый в случае чего схватить её и выстрелить. Говорят, что современные волки стараются избегать вооружённых людей, так как опознают оружие в их руках... но этот представитель *Canis lupus* ничего подобного никогда не видел, а потому продолжал задумчиво смотреть на странного человека в чёрном, сидевшего посреди леса, под древней колонной. Секунды медленно тянулись... Сердце стучало, как молот о наковальню, в боль-

ших волчьих глазах отражались дрожащие кроны деревьев и синева неба... А затем волк развернулся и исчез в чаще. Когда затих хруст веток, Максим тяжело вздохнул и привалился спиной к прохладному мрамору. Жажду чтения чёртова псина отбила напрочь.

С наступлением ночи Максим двинулся вперёд. Облака рассеялись, и Лунный свет позволял обойтись без прибора ночного видения. Максим был рад возможности не видеть мир через болотнойдымчатую дымку устройства, но в то же время понимал, что при таком освещении и сам заметен для стражи. Впрочем, он не слишком волновался по этому поводу.

Миновав развалины, часть которых была обитаема, а на месте другой — прямо посреди остатков древних сооружений — жители готской Тулузы разбили огороды, он продвигался вглубь заброшенного города. Улицы были пусты; лишь однажды по одной из улочек проковылял, бормоча что-то себе под нос, приземистый силуэт. Максим притаился в тени портика, оставшегося от какого-то храма, и продолжил путь. Вскоре он вышел на площадь, посреди которой расположился амфитеатр. «Всё как в Немаусе», — подумал Максим, оглядывая темнеющую впереди громаду.

Бывшие римские амфитеатры идеально подходили для создания раннесредневековых укрепленных поселений. Трибуны внутри разбирались, а арочные проёмы ордерных аркад, из которых и состояли стены амфитеатра, закладывались наглухо камнем. В результате получались превосходные крепостные стены. В данном случае к ним добавили ещё четыре крепостных башни, на которых горели факелы и виднелись силуэты часовых. Итак, перед Максимом возвышались стены столи-

цы Тулузского королевства вестготов, поместившейся на бывшей римской арене.

Вновь осмотрев площадь, Максим быстро побежал вперёд, выждав, пока часовой на ближайшей башне не отвернётся в другую сторону. Оказавшись под стеной, он передохнул и достал из рюкзака гарпун-кошку — усовершенствованную японскую кагинаву, позволявшую выстрелить крюком с верёвкой и взобраться на стену. Прицелившись, он нажал на спуск. После едва слышного хлопка крюк с четырьмя зацепами полетел в темноту и спустя мгновение звякнул о камень. Максим полез вверх, быстро перебирая руками: имелась вероятность обнаружения, и тогда следовало оказаться наверху и разобратся с часовым прежде, чем тот поднимет шум.

Однако на стене его ожидала лишь темнота и ветер. Дрожащее пламя на вершине башни к востоку от него выхватывало из темноты поросшее густой бородой лицо часового, который и не думал направляться сюда. Перебросив верёвку на внутреннюю сторону стены, Максим быстро спустился вниз и осмотрелся.

Бывшее пространство арены было застроено невероятно тесно, превратившись в небольшой город. Некоторые улочки были столь узкими, что приходилось протискиваться по ним боком, а дома нависали над ними, создавая свода, как в тоннеле. Но самым удивительным было не это. Часть домов, как и ожидал Максим, была сложена из камня, добытого в бывших римских постройках. Но при этом повсеместно встречались элементы всевозможного современного хлама, явно принесённые с ближайшей свалки, откуда явился он сам. Стены из ржавых автомобильных остовов, клеёнка в оконных проёмах, кухон-

ная утварь из старых жестянок и мутных пластиковых бутылок... Всё это напоминало городок из какого-нибудь постапокалиптического хита вроде «Безумного Макса». Кому-то подобное зрелище могло показаться смешным, но Максиму это не понравилось. Ему стало не по себе от первые посетившей его мысли о том, что же на самом деле творит современное человечество с этим миром. Нет, он не ударялся в сопли подобно этим экологам, которые устраивали невероятно массовые протесты после принятия «Окончательно решения» и указывали на поразительное сходство названия этой программы по утилизации отходов с эвфемизмом, применявшимся нацистами для своей безумной расовой политики. Он понимал, что порой нужно принимать сложные решения ради будущего Земли и так далее... Но всё же он ещё никогда не видел подобного... Целый мир, служащий свалкой для нашего... Мир, единственное будущее жителей которого — быть похороненным в отходах своих же соплеменников... Да уж, от этого ему становилось совсем не по себе... Чёрт подери, должно быть, его фирменный цинизм сегодня взял отгул...

По пути ему попала церковь, но, несмотря на принадлежность вотивной короны к церковной утвари, её вряд ли хранили в храме — слишком опасно. Узкие извилистые улочки, наконец, привели его к приземистому зданию, которое было крупнее остальных. Перед входом с факелами стояли стражники, что подтверждало его догадку: перед ним — королевский дворец. Скромность, если не сказать убогость, данного сооружения могла обмануть лишь несведущего, но из книги Дитриха Клауде Максим узнал: собственные города, с архитектурой, напоминающей византийскую, вест-

готы будут строить лишь в Испании несколько веков спустя...

«Или не будут», — вдруг прорезался внутренний голос, и Максим вздрогнул. В последние годы он не часто слышал собственную совесть. «А что? К тому времени вы похороните этот мир под своими отбросами», — продолжал мерзкий голос. «Но ты об этом не думай, Макс. Это ведь неважно».

Усилив воли заставив голос заткнуться, Максим вытащил из рюкзака короткую винтовку и прикрепил к ней прицел. Прижавшись к окуляру, он направил ствол на одного из стражников у двери, спустил курок и быстро — быстрее, чем упало тело — проделал то же со вторым. Два тихих хлопка, с которыми ствол покинули дротики, начинённые сильнодействующим снотворным, никого не потревожили. Максим побежал к воротам и по одному оттащил стражников в тень соседнего переулка, где тем предстояло отсыпаться до самого утра. Он заметил на шеях воинов странные украшения из ржавых пивных пробок, насаженных на шнурки от обуви. «Вот уж безделушка, подходящая для Неллы», — подумал он и грустно ухмыльнулся.

Внутри было темно, и он зажёл налобный фонарь. Миновав пиршественный зал с грязными пластиковыми столиками из какого-то современного кафе, он попал в сторожку, где пришлось красться очень тихо среди спящих воинов. Наконец, он оказался в обитаемой части дворца. Из маленького зала с низким — но вполне достаточным для низкорослых обитателей пятого века — потолком в разные стороны вели три арки. Одна из них, как оказалось, вела в кладовую, полную запасов. Другая — в покои кого-то из обитателей дворца. И, наконец, третья — в крошечную личную часовню, где в углублении апсиды, на алтаре, стояла воделенная драгоценность. Густо оплетённая ор-

наментом, обильно инкрустированная сапфирами, жемчугом и кусками горного хрусталя, золотая корона переливалась в свете фонаря, отбрасывая блики на стены. Дело было почти сделано, но Максим вдруг ощутил непреодолимое желание посмотреть на тех, кому принадлежало это чудо. Должно быть, с ним действительно что-то происходило, но он впервые захотел взглянуть на этих людей не издали — через бинокль или прицел — а вблизи. Он вернулся в зал и тихо прокрался в покои, отодвинув прикрывавшую дверной проём штору. В комнате располагалась широкая кровать с балдахином. Он удивился, увидев его — мода на балдахины, как считалось, проникла в Европу позже, в эпоху готики. Но ещё сильнее удивило его другое — колонны, поддерживавшие полупрозрачную ткань, были покрыты металлом и явно служили деталью какого-то современного механизма. Должно быть, их притащили с «мусорной горы», привлечённые их блеском и красивыми очертаниями. Они ужасно напоминали Максиму что-то, что он видел недавно в новостях... Как часто бывает, воспоминание ускользало в глубинах памяти всякий раз, когда ему уже почти удавалось вспомнить. И когда он уже отчаялся, его вдруг осенило.

Максим застыл, парализованный ужасной догадкой. Затем полез в рюкзак и достал счетчик Гейгера. Включил радиометр и стал слушать паническую трель, глядя, как зашкаливает стрелка. Он даже не опасался, что писк прибора разбудит спящих, настолько силен был ужас.

Авария на АЭС Мадрас в Индии. Жуткие кадры, обошедшие весь мир. Он понял, что поддерживало ткань над спящими здесь готскими вельможами, а быть может, и королевской четой.

Это были урановые стержни. Отработанное ядерное топливо.

Сквозь охвативший его ужас пробивались отчаянные мысли: нужно бежать. Бежать немедленно — ведь оставаться здесь смертельно опасно. Любой предмет отсюда, включая корону, является источником смертоносного излучения.

И всё же он не смог сдержаться и подошел к кровати, сбросив ткань. Он смотрел на них, уже пораженных лучевой болезнью, обезображенных и приговорённых невидимым врагом, о котором ничего не знали... Но о котором знали те, кто сбросил это в их мир... Он смотрел на них и думал: быть может, это и есть Виттерих и Аталирия, влюблённые из легенды, отравленные чудовищным зельем?

Когда он бежал обратно, ему едва удавалось сдерживать рвущийся наружу крик.

Максим смотрел в окно и видел, как потоки дождя размывают свет фонарей, превращая его в дрожащие оранжевые кляксы. Он прикурил очередную сигарету от предыдущей, но раскалённый дым был бессилён прогнать холод, поселившийся внутри.

В дверь постучали, и он услышал отвратительный, манерный голос, чем-то похожий на тот, что иногда донимал его откуда-то из глубин рассудка.

— Вы принесли мою корону?

Обернувшись, Максим посмотрел Нелле в глаза и, улыбнувшись, ответил:

— Нет.

Должно быть, его улыбка походила на оскал мертвеца, так как Нелла не нашлась с ответом и просто молча смотрела на него. И тогда он добавил:

— Впрочем, у меня есть достойные вас украшения.

Забравшись в карман, он швырнул что-то на стол. Подойдя ближе, Нелла взяла это нечто в руки: в её ладонях лежали ржавые пивные пробки, насаженные на шнурки. **✠**

Холодные глаза

Дмитрий Ворожцов

Начинающий писатель, ценитель качественной литературы, примерный семьянин и просто интересный человек. Родился 3 октября 1981 года в городе Первоуральске. Окончил электротехнический факультет Уральского государственного технического университета — УПИ. В настоящее время живёт и работает по специальности в городе Шадринске Курганской области. Совместно с любимой женой Анечкой воспитывает двух маленьких и очаровательных принцесс — Виолетту и Василису. Стал писателем совсем недавно — около трёх лет назад, причём совершенно случайно. Пишет о вымышленных мирах и самоотверженных людях, умеющих преодолевать любые капризы злодейки-судьбы. С некоторых пор любит ставить в текстах произведений точки над буквой «ё». Старается расти над собой каждый день и в глубине души надеется на то, что однажды напишет нечто действительно стоящее...

Неслышно и незаметно, словно рысь, подкрадывающаяся к обречённой жертве, наступила осень. Небо затянуло беспросветной серостью — ни солнца, ни тепла, лишь непрекращающаяся промозглая изморось. Деревья обнажились, сбросив на землю пожелтевшую листву. Исхудавшие ветви терзал нещадный ветер, отчего стволы гнулись и жалобно скрипели, как будто постанывая от боли. Дни стали короче, а ночи удручающе длиннее. Весь мир окрасился в безжизненно-серые тона. Ни сил, ни настроения. В разбитых душах людей поселились тоска и уныние...

Микки не любил хмурую осень и всё, что с ней связано. Не понимал этого наигранного притворства природы, считая, что смерть должна быть одна, без всяких чудесных «воскрешений» весной. Не любил вопреки тому, что родился в конце ноября и через месяц ему стукнет одиннадцать — мальчишка даже мечтал о том, чтобы родители забыли поздравить его с днём рождения. Он терпеть не мог этот архаичный ритуал с вручением очередного бесполезного подарка, когда приходилось всеми силами изображать радость. Ненавидел выдавливать из себя «спасибо» и напрягать лицевые мышцы, создавая подобие улыбки, больше похожее на гримасу отчаянья.

Он не испытывал благодарности к отцу и матери, и Микки не смущало, что в его словах не было ни капли искренности. Всего лишь не мог поступить по-другому: в него вдолбили на уровне подсознания, что он обязан так реагировать на старания родителей, ведь они его с любовью растят и воспитывают. Но сам мальчик воспринимал всё следующим образом: эти разнополюсные индиви-

ды произвели Микки на свет. Дали пищу, одежду и крышу над головой. Посему до поры до времени он должен соблюдать установленные ими правила.

В прошлом году ему подарили роликовые коньки, рекламу которых крутили по телевизору по пятьдесят раз на дню. И всё бы ничего, вот только мальчик понял, что спорт не для него, ещё когда ему исполнилось восемь — тогда на уроке физкультуры он получил сотрясение мозга от удара по голове волейбольным мячом. А ведь мальчик даже не играл, а тихо-мирно наблюдал, стоя в сторонке. Микки провалялся тогда дома в кровати почти две недели. Со спортом он завязал раз и навсегда. Ролики так и пылились в платяном шкафу. Новенькие, нетронутые, в упаковке.

Микки рос хлипким ребёнком, простужающимся от малейшего дуновения ветерка. К тому же ни телосложением, ни ростом не удался. Маленький и неприметный, словно привидение, мальчишка — сверстники, даже девочки, возвышались над ним как минимум на голову. Пепельно-серые волосы с ниспадающей на почти чёрные глазобусинки чёлкой. Сжатые полоской губы, белое, как мел, лицо. Мальчика называли в школе «Мышонок», но он никогда не поддавался на провокации и не обижался на глупое прозвище. Воспринимал его как что-то должное и неизбежное, но в то же время временное и недостойное внимания.

Он никогда и никому не перечил и не отвечал на унижения, оставаясь хладнокровным в любой ситуации. Сбей кто-нибудь Микки с ног — встанет, отряхнётся, посмотрит сквозь обидчика и, не издав ни звука, отправится туда, куда шёл. Можно повторять этот трюк сколько угодно раз —

ничего не изменится, его терпение не знало границ.

Он вообще не разбрасывался словами. Избегал разговоров с малознакомыми людьми и общался лишь по принуждению. Например, когда учитель вызывал к доске. В такие моменты Микки выходил на всеобщее обозрение с каменным лицом и бубнил себе под нос заученный на память текст, вплоть до сносок из первоисточника с указанием стандартного книжного номера и количества страниц. Причём он не пытался отвечать на вопрос, а пересказывал параграф целиком. Речь его приобретала вычурный характер, изобилуя сложными малопонятными словами, словно говорил не ребёнок, а умудрённый жизнью профессор-теоретик. Доходя до определённого этапа, мальчик замирал, «уходил ненадолго в себя», как будто «перегружался», а затем процесс продолжался. Нервы не выдерживали даже у опытных педагогов, ведь и они его с трудом понимали. Вскоре Микки возвращался за парту под улюлюканье и крики одноклассников. И, надо сказать, учителя в последнее время старались мальчика не тревожить — берегли и свою психику, и психику Микки.

Мальчишка не был глуп, как могло показаться на первый взгляд, знания давались ему легко. Просто он не понимал, чего от него хотят, и отвечал на вопросы так, как считал нужным сам, а никто не удосужился научить Микки делать это правильно. С хитрыми же тестами, особенно по математике, он всегда справлялся лучше всех в классе, ведь в компании карандаша и бумаги чувствовал себя как рыба в воде.

Зажатый, напряжённый, неуверенный в себе мальчик. Ни друзей, ни врагов — хотя его это ни капельки не волновало. Он всегда сидел один

на дальней парте и смотрел в окно, любуясь ползущими по небу облаками. А в такие дни, как сегодня, Микки наблюдал за тем, как на стекло падают капли дождя и стекают на подоконник. Его совершенно не интересовало то, что происходит у доски, он даже тетради не доставал из портфеля. Не видел в этом смысла. Микки не замечал учителя, не думал над тем, что тот говорит, и не следовал его указаниям. Тело мальчика оставалось в классе, но мысли витали в другом месте — в мире собственных грёз.

На странности мальчика давно уже перестали обращать внимание все — учителя, одноклассники и даже родители. Не то чтобы отец и мать эти странности не замечали, но просто свыклись. Да что там, Микки и сам махнул на себя рукой. Просто плыл по течению, не желая хоть что-то менять. Он проводил почти всё свободное время в своей комнате. Братьев и сестёр у него не было. Никого, кто смог бы поддержать...

Микки всегда находился наедине с собой, со своими мыслями и страхами. А боялся он многого, притом весьма странных для многих вещей. Например, звука работающего пылесоса, скрипа пенопласта, деревьев с облетевшей листвой, воздушных шаров, лифтов и даже болезни Куру*. Но больше всего Микки страшился не «смеющейся старухи с косой», а вполне понятного и объяснимого — Темноты... Боялся до жути... До предательской дрожи в коленях, охрипшего голоса и встающих дыбом волос. Ведь Она всегда бродила рядом, просто выжидала момента, когда исчезнет свет и настанет Её время. Микки в этом ни секунды не сомневался. А ещё мальчик знал, что Ей тоже известно о том, что он это знает, и от этих мыслей становилось ещё страшней.

Хотя его можно было понять: невозможно жить в старинном двухэтажном особняке и не бояться тьмы. Дом Микки стоял на окраине небольшого городка Холиоок с населением сорок тысяч жителей. Посреди дремучего леса, в окружении крючковатых деревьев, напоминающих старцев с костлявыми длиннопальными руками. По крайней мере, так они выглядели для Микки. До ближайших соседей — тридцать минут пешком.

Родители не успели привести доставшийся им по наследству обветшалый дом в порядок после переезда из Бостона — не хватало ни времени, ни финансов, и мальчик жил в особняке, под завязку наполненном страхами. Мрачные длинные коридоры, утопающие во власти сумрака. Множество заброшенных пустых комнат, в которые давно не ступала нога человека. Узкие кладовки, куда лучше не заглядывать, ведь в пыли и паутине вряд ли удастся что-то отыскать. Изношенные протекающие водопроводные трубы, скрипучие половицы. И целая куча других звуков непонятного происхождения: стук, скрежет, хрипы, стоны... То ещё местечко — обитель страха, пробирающего до мозга костей.

Жёлтый школьный автобус, скрипя тормозами, остановился на обочине дороги. Прямо у открытых кованых ворот с причудливым узором, сплетённым из ветвей тернового куста. Дверца автобуса с шипением сложилась гармошкой, и со ступенек спрыгнул Микки.

На нём красовался заношенный дымчато-серый костюм, кремовая рубашка со слегка засаленным воротом и обшарпанные ботинки на два размера больше. В руках — мешковатый ранец болотного

цвета. Мальчик всегда так одевался в школу — и зимой и летом, изо дня в день один и тот же наряд. По крайней мере, Микки так думал: он не мог знать, что в запертом шкафу в комнате родителей висели ещё четыре точно таких же комплекта и стояла вторая пара ботинок. Мать Микки, Хелен, обменивала грязную одежду на чистую по воскресеньям. Поздней ночью, когда тот крепко спал. Не хотела травмировать ребёнка понапрасну, ведь мальчик упорно сопротивлялся даже крошечным изменениям в ежедневной рутине.

Однажды Хелен попыталась навязать ему своё мнение и запомнила тот жуткий день до мельчайших подробностей: четырёхлетний Микки тогда словно сошёл с ума и не мог себя контролировать. Лицо обезобразилось яростью и побагровело. Вены на шее вздулись. Он орал, визжал, вопил как резаный, так что у матери сердце замирало. Микки впал в дикую истерику, руки и ноги тряслись, словно у эпилептика. Он неистово долбился головой о стену, кусал до крови запястья и рвал на себе волосы. Ничто не могло его успокоить... А ведь мать тогда всего лишь заставила его надеть зелёную рубашку вместо кремовой. Ещё раз переживать такое она была не готова...

Родители, конечно, сильно переживали, но мальчика пришлось поместить в лечебницу для душевнобольных. Решение далось им нелегко, ведь они предвидели последствия...

Микки замкнулся в себе, перестал разговаривать и ни на что не реагировал. На возвращение в реальный мир ушло два бесконечных, по ощущениям родителей, месяца. Но самое страшное случилось позже — по результатам обследования врачи поставили неутешительный диагноз — прогрессирующий аутизм*.

Микки закинул полупустой ранец за спину, протиснулся в щель между воротами и побежал по асфальтовой дорожке к дому, перепрыгивая через пузырящиеся лужи. Порхая, словно бабочка, мальчишка добрался до крыльца, вошёл в дом и направился в свою комнату на втором этаже. Он называл её «крепостью», ведь только там чувствовал себя защищённым и не испытывал тревоги. Светло и безопасно. Что ещё надо Микки для счастья?

Детская была просторной: метров пять в длину и почти столько же в ширину. Высокий потолок, в центре которого громоздилась раритетная хрустальная люстра, имитирующая канделябры. На стенах — угрюмые серые обои в чёрную вертикальную полоску, без узоров и рисунков. Они остались от прошлых хозяев. Напротив двери располагалось широкое трёхстворчатое окно, завешанное с боков плотными коричневыми шторами. Через его слегка помутневшие от старости стёкла в комнату лился дневной свет. Микки сам выбрал эту комнату и настоял на том, чтобы здесь ничего не меняли. Никто ему не перечил...

Тут же, у окна, размещалось рабочее место: деревянный стул с высокой спинкой и письменный стол, заваленный стопками книг в потрёпанных переплётах. На столе ещё стоял включённый светильник, по размеру и форме похожий на шар для боулинга. Ни ноутбука, ни игровой приставки с телевизором в комнате не было. Родители исключили современную технику из рациона развлечений ещё пару лет назад, когда поняли, что Микки тратит на виртуальную реальность всё свободное время, забывая есть, пить и спать. Он не «рубился» в кровавые «шутеры», как большинство мальчишек, всё было гораздо безобиднее — Микки при-

влекали лишь карточные игры. Особенно мальчик любил раскладывать пасьянсы. Но родители вовремя поняли, чем всё может закончиться, и ликвидировали игроманию в зародыше, ненавязчиво переключив внимание сына на перекладывание старинных открыток, которые Хелен нашла в чулане дома, занимаясь как-то уборкой перед Рождеством.

Слева в комнате родители оборудовали место для отдыха. Здесь стояли огромный платяной шкаф и детская кровать. Голубое покрывало на ней было заправлено под матрац, белоснежные подушки взбиты, углы на них расправлены. Все линии на постельном белье шли либо параллельно, либо перпендикулярно, словно кровать заправлял не мальчишка, а кадет военного училища.

Справа от входной двери находилась игровая зона с двумя стеллажами под самый потолок, где на полках стояли конструкторы, радиоуправляемые машинки, роботы-трансформеры и прочая детская ерунда. Все игрушки «хозяин крепости» выставил в прямые линии в определённом порядке — от большего к меньшему. Ни одной ошибки не закралось в странную композицию «безумного аккуратиста». Идеальный порядок, который даже немного пугал неестественностью для комнаты ребёнка.

Между стеллажами, на стене, висело зеркало в человеческий рост. Деревянное резное обрамление в стиле барокко, покрытое позолотой. Местами потрескавшаяся и помутневшая серебряная амальгама. Это зеркало пережило не одно поколение хозяев, впитало за свою долгую жизнь массу различных людских эмоций, и казалось, что от него прямо-таки веяло плохой энергетикой, чем-то тёмным и пугающим. Отец Микки, Кевин,

пытался его убрать, но так и не справился с задачей — не нашёл никаких креплений, словно «раритетная находка» и несущая стена являли собой единое целое.

Микки подошёл к шкафу, открыл дверцу и уложил на верхнюю полку ранец. Снял уличную одежду и аккуратно развесил на плечики. Затем же надел серую пижаму с мышонком из диснеевского мультика, которая была маловата ему на несколько размеров. Мальчик всегда носил её дома, ещё с детсада. Микки наклонился и вытащил из шкафа большую коробку пазлов из трёх тысяч элементов. На её лицевой стороне виднелась панорамная картинка — синяя гладь океана на фоне чистейшего лазурного неба. В шкафу лежали и другие коробки с головоломками, но Микки привлекала только эта, другие он даже не распечатал.

Собирание мозаики стало любимым, а вернее, единственным времяпрепровождением Микки в последние два года. Изо дня в день, без праздников и выходных. Это хобби посоветовали родителям врачи после очередного срыва, для успокоения нервов Микки. Мальчик с детства боялся «злых дяденек» в белых халатах и не стал противиться. Вначале собирал пазлы нехотя, но вскоре втянулся.

Он раскладывал картинку сотни раз. На первых порах у него на это уходили месяцы, потом недели, сейчас же считанные часы. Его рекорд — пять часов двадцать три минуты. Микки постоянно тренировался, даже когда игры не было под рукой. Тогда он собирал картинку мысленно. Во время еды, учёбы и даже во сне... Эта картинка жила в мальчишеском разуме и безраздельно властвовала им.

Микки высыпал пазлы на пол и разложил в один слой, так чтобы они не соприкасались между собой. Затем опустился на колени и приступил к излюбленному занятию. Он выкладывал на пол кусочек за кусочком, начав с левого угла картин-ки. Мальчик каким-то мистическим образом нахо-дил среди разложенных пазлов нужный. Притом почти безошибочно, как будто помнил каждый из них. На его лице застыло безразличие, но на са-мом деле он был счастлив, только по-своему. Мик-ки тихонько попискивал от удовольствия в своей голове, не выплёскивая чувства наружу.

Шло время. Картинка с каждой минутой приоб-ретала всё более осмысленные очертания. Через пять часов работа приблизилась к завершению. Оставалось собрать лишь небольшой участок неба в центре. На улице уже стемнело и стало замет-но, что мальчик если и не занервничал, то заторо-пился, хватая сразу по три-четыре кусочка мозаи-ки. Микки давно уже должен быть в кровати. Ведь скоро настанет Её время... Время Тьмы... Но сна-чала он должен довести начатое до конца — это вопрос жизни и смерти. Микки шёл на новый ре-корд.

Руки замелькали ещё быстрее, и через семь ми-нут на полу остался лишь один кусочек...

Микки облегчённо вздохнул, взял последний фрагмент пазла и потянулся для виртуозного ис-полнения завершающего штриха. Но донести до картин-ки не успел...

Свет в комнате погас. Старинный особняк по-грузился во мрак: в Холиоке от короткого замыка-ния отключилась головная подстанция, обесточив больше половины города.

В висках Микки пульсировала кровь. Мальчик теперь слышал стук собственного сердца, попада-

ющего в ритм барабнящего по подоконнику про-ливного дождя.

Он остался один на один с Тьмой... Никого! Только он и Она!

«Тьма же знает... Знает! Знает, что кроме Микки в доме никого нет! Она всегда наблюдает за Мик-ки!» — пронеслась мысль в голове мальчика, и лицо ещё больше побелело. Он всегда говорил и думал о себе в третьем лице, воспринимая себя словно со стороны.

Тьма совсем рядом. Она долго ждала подходя-щего момента... Микки слышал звук приближаю-щихся шагов. Глухое постукивание когтей по де-реву. Темнота волочилась по лестнице на вто-рой этаж, выбравшись из жуткого каменного под-вала. Микки считал, что Она живёт именно там. Мальчик ощущал на себе Её пристальный леденя-щий взгляд, проникающий не только сквозь сте-ны, но и в глубину его души. Даже отсюда он чув-ствовал мерзкое, зловонное дыхание. Смерд разло-жившейся мертвечины. Он вырывался из Её пасти, оскалившейся в предвкушении апофеоза смер-ти. Вонь напрочь забивала остальные запахи. Мик-ки едва сдерживался, чтобы не «выложить» на пол школьный обед.

Щёлкнула собачка замка, и входная дверь нача-ла с тоскливым скрипом открываться. Медленно и зловеще.

«Она уже здесь!»

Микки застыл ледяным изваянием. К горлу под-катил сгусток концентрированного страха. Лицо перекошило. Нервная дрожь пробирала насквозь. Тело покрылось липким потом. Сердце заколотил-ось, словно у перепуганного мышонка. Микки казалось: ещё чуть-чуть, и оно вырвется из груди или разорвётся на части. В голове безостановоч-

но носились дурные мысли, временами спотыкаясь и падая.

Мальчик до жути реалистично представил себе, как Тьма смыкает на его шее холодные загрубелые лапы. Рычит, клацает зубами и всё крепче сжимает пальцы. Когти впиваются в плоть, позвонки хрустят, голова наполняется свинцом, разум затуманивается. Но это ещё не конец... Ведь по ту сторону жизни Микки тоже ждёт Темнота. И Она знает о том, что он это знает... Тьма заходится в истерическом припадке смеха. Громкого, желчного, ликующего... Её гогот звучит даже хуже, чем скрип пенопласта по стеклу. Темнота знает, что победила...

Парнишка хотел убежать, но не мог пошевелиться. Хотел кричать, но не мог выдать ни звука. Мечтал о том, чтобы безболезненно умереть, но не знал, где у него кнопка отключения питания и есть ли она вообще.

«Кнопка! Фонарик! У Микки же есть фонарик... Надо найти!» — словно вспышка молнии, сверкнула в голове мальчика спасительная мысль.

Оцепенение исчезло точно по волшебству. Не раздумывая, Микки бросился к письменному столу. Подвернувшийся по пути деревянный стул, словно живой, подставил подножку. Мальчик полетел вперёд и с грохотом рухнул на пол. Тотчас вскочил, запутался в собственных ногах и опять упал, но чудом зацепился пальцами за край столешницы и полуповис на руках. Подтянулся, опёрся на колени, поднялся на ноги и зашарил по столу в поисках фонарика.

Микки не помнил, где тот лежал, но в том, что он точно находится в комнате, был уверен. Две недели назад фонарь в комнату принесла мама — так, на всякий случай. Как сердцем чувствовала.

Слева — ничего... По центру тоже. Мальчик дёрнул рукой вправо. Что-то толкнул — сразу же раздался звон разбившегося стекла. Беспольный светильник разлетелся на куски. Микки переключился на ящики стола, но тоже безуспешно. Ничего похожего на ощупь на фонарик в них не лежало, но мальчишка не собирался сдаваться раньше времени. Полный решимости, он побежал к платяному шкафу, но зацепился ногой за электрический шнур и вновь растянулся на полу. Острая боль пронзила лоб и ладонь правой руки. Микки даже не вскрикнул, молча поднялся и в два прыжка очутился у шкафа, словно ничего и не произошло. Он распахнул дверцы и начал обыскивать нижнюю полку. Уже через несколько секунд мальчишка сжимал в руках то, что искал. Ему повезло... Микки нырнул в «деревянный гроб» и закрыл за собой двери. Всё-таки узкого пространства тёмного шкафа он боялся меньше, чем Темноты в большой комнате. Мальчик свернулся калачиком, нащупал на фонарике кнопку и нажал.

Ничего... Он ещё раз вдавил. Нулевой результат... Палец в истерике забился о кнопку, но свет так и не зажёгся.

«З-з-ря... В-с-сё з-з-ря... Не з-з-заряжен...»

У Микки началась паника, и он задрожал от ужаса. Мальчик чувствовал вонь разлагающейся плоти. Слышал Её тяжёлое дыхание. А ещё шаги... Совсем рядом... Она, скрипя половицами, расхаживала, как сытая кошка вокруг мыши, играя и наслаждаясь своим превосходством. Запрыгнула на шкаф, отчего доска с жалобным стоном прогнулась под Её тяжестью. Тьма заелозила шершавым языком по крышке, обильно заливая всё, к чему прикасалась, тягучей и липкой слюной. Микки хотел вынырнуть из этого кошмара... Очень-очень

хотел проснуться... Но понимал, что это не сон, а ужасная реальность...

Внутри мальчика закипела-заклокотала обида. Он ненавидел себя за беспомощность... Микки захрипел и взорвался от ярости... Несколько раз с силой ударил по собственному лбу фонариком и... вдруг тот заработал...

Яркий луч вырвался из нутра прибора и осветил шкаф. Мальчик видел, как Тьма выдернула из щели дверцы мерзкие лапы, словно на Неё плеснули крутым кипятком. Теперь Микки мог с Ней бороться... Страх растворился, словно утренняя дымка. Его глаза горели решимостью. Микки решил сражаться до конца, пусть даже и не сможет победить...

Он сжал в руке фонарик, словно рукоятку меча. Пнул обеими ногами по дверце шкафа и выпрыгнул навстречу врагу. Белый луч света с хлопьями вонзился в плоть Тьмы. Резкий взмах — и Её конечность брякнулась на пол. Ещё один удар — и в сторону полетела вторая лапа. Микки неистово замахал «волшебным мечом», рубил, кромсал, колот сверкающим от ярости клинком. Тёмная кровь заливала всё вокруг. Он и сам весь измазался в Её крови...

Она стекала по лбу, щекам, подбородку, Микки чувствовал металлический привкус на губах. Кровь пропитала одежду, словно он стоял под тропическим ливнем...

В конце концов, Микки обессилел, остановился и опустился на колени... Тьма вновь язвительно рассмеялась, так что в голове мальчика зазвенело... Причём смех слышался теперь со всех сторон. Она была везде. Скалила отвратительные пасти, пялилась сотнями глаз, тянула тысячи лап... Микки осознал, что он не только Её не убил, но ещё

и размножил. Из каждого отрубленного куска явился новый монстр...

Мальчик сильно-сильно зажмурился и прижался лбом к полу. Микки не хотел умирать, глядя Ей в глаза...

Время тянулось, словно резиновое, но ничего не происходило. Микки по-прежнему был жив. Даже будоражащие душу звуки исчезли. Мальчик поднял голову и открыл глаза, в которые тотчас ударил ослепительный электрический свет — аварию на подстанции устранили. Зрение Микки адаптировалось, и он осмотрелся.

Повсюду виднелись следы бойни: сломанный стул, разбросанные книги, осколки стекла... Сердце мальчика ёкнуло — его любимую картинку из пазлов испачкала кровь. Но не чёрная, как у Тьмы, а красная...

Микки дотащился до старинного зеркала и посмотрел на отражение. Лицо, одежда и руки были перемазаны кровью. На лбу, над правой бровью, зиял порез сантиметра два длиной. Ему показалось это всё нереальным, каким-то ненастоящим, он не мог поверить в то, что это его кровь — слишком её много. Микки почему-то решил, что глупое зеркало сломалось и теперь отражает неправильно. Мальчик протянул руку и прикоснулся к зеркальной глади. Провёл по ней ладонью, пытаясь стереть кровь с отражения, но сделал только хуже. На поверхности зеркала остался кровавый след. Микки взглянул на правую руку и увидел глубокую, через всю ладонь, рану. Из неё сочилась кровь и капала на пол.

Зеркало озарилось ярким, словно вспышка фотоаппарата, светом. Микки инстинктивно зажмурился. Пространство закружилось, и мальчик рухнул без сознания...

— Микки! Микки, очнись! — пробивался сквозь гул в голове мальчика встревоженный голос матери.

Он поднял отяжелевшие веки и увидел её заплаканное раскрасневшееся лицо. Она сидела рядом с ним на полу в перепачканном кровью кремовом платье и трясла его за плечи. Мальчику даже показалось, что его стошнит от излишнего усердия Хелен. Голова по-прежнему жутко кружилась, словно её крутили в стиральной машине вместе с грязным бельём.

— «Мышонок», бедняжка. Что случилось? — всхлипывая, проговорила мать Микки, целуя его в щёки.

— Тьма победила... — прохрипел мальчик, сглатывая густок слизи, застрявший в горле.

Дёрнувшись, Микки попытался отстраниться от матери, но тут же отключился...

— Не забывайте: обильное питьё и покой, — услышал Микки незнакомый голос, скрипучий, как пенопласт.

Мальчик открыл глаза и увидел, что лежит в своей кровати. Он огляделся и у входной двери различил силуэты двух человек. В одном узнал мать, второй же распознать не удавалось. Микки сосредоточился, сфокусировал зрение и увидел, что у порога стоял мужчина-афроамериканец лет сорока в светло-голубой униформе. В руках он держал белый чемоданчик с красным крестом на лицевой стороне. На шее висел фонендоскоп. Сомнений у Микки не осталось — это врач.

«Зачем он здесь? Микки здоров, — только и успел подумать мальчик, прежде чем в голове за-

мелькали пазлы событий недавнего прошлого. — Микки же порезал руку и лицо в глупом кошмаре...»

Высунув руку из-под одеяла, мальчик увидел, что кисть перемотана бинтом. Прикоснулся ко лбу и нащупал лейкопластырь.

«Значит, не сон...» — сообразил Микки и вновь провалился в забытьё.

Микки очнулся лишь глубокой ночью, притом не по собственной воле. Он услышал стук, как будто кто-то барабанил пальцами по подоконнику. Сквозь дрёму мальчик посмотрел на окно. Дождь закончился, на небе светила яркая луна, ни одного облачка. Ветки в стекло стучать не могли — отец их регулярно подрезал, чтобы лишний раз не пугать мальчика. Микки решил, что ему показалось, и вновь закрыл глаза.

Стук усилился...

Мальчишка окончательно проснулся, откинул одеяло и опустил ноги на пол. Станный звук раздавался с противоположной стены. Микки даже показалось, что он исходит от зеркала... Мальчик встал и прокрался к столу. Взял фонарик, включил и уверенно двинулся к источнику шума, разгоняя полумрак лучом света. И чем ближе подходил, тем отчётливее понимал, что ему не показалось — звук раздавался из зеркала. Кто-то стучал с той стороны амальгамы.

Микки сделал ещё несколько шагов и застыл. То, что он увидел в зеркале, повергло его в состояние шока. Мальчик не мог в это поверить...

На нём была другая пижама — не серая с мышонком, к которой привык, а буро-зелёная в цветочек.

Такого удара под дых он не ожидал. Внутри Микки зарождалась паника. Он жадно глотал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Мальчик не мог отвести взгляда от своего отражения, всё смотрел и смотрел.

— Бу-у! — раздалось из зеркала, словно гром среди ясного неба.

Микки от испуга отскочил и плюхнулся на пятую точку. Оцепенение улетучилось, как и мысли о подмене пижамы: из зеркала на него по-прежнему пялилось отражение, несмотря на то, что сам мальчик валялся на полу!

«Фальшивый Микки» поднёс фонарик к подбородку и оскалил в широкой улыбке белые зубы. Зрелище показалось настолько жутким, что Микки захотел в туалет, причём прямо здесь и сейчас.

— Бу-уууу! — закричал двойник и постучал фонариком по стеклу.

— К-к-кто ты? — едва шевеля губами, спросил мальчик и отполз от зеркала на полметра.

— Твой друг... Я не причиню тебе вреда.

— К-к-кто ты? У меня нет друзей!

— Хорошо, я твой будущий друг. Это ведь ты меня позвал...

— Кто... ты? — вновь выдавил Микки, прилагая невероятные усилия.

— Да что ты заладил, как попугай: «Кто ты? Кто ты?..» Я живу в Зазеркалье, и меня зовут... Твин. Дарк Твин... А ты кто?

Микки замолчал. Теперь он просто сидел, уставившись в зеркало, и часто моргал, словно ему набросали в глаза песка.

— Как тебя зовут? — переняв инициативу, спросил мальчик-призрак из зеркала.

— Тебя зовут Микки...

— Как же с тобой тяжело... Меня зовут Твин!

— Меня зовут Микки, — промямлил мальчишка и гораздо увереннее добавил: — Но Микки все называют Мышонком...

— В точку! — воскликнул Твин, приснув со смеху. — Но я не все... Я буду называть тебя Микки! Пока! Увидимся, когда нам не будут мешать...

Мальчик услышал звук шагов из коридора и обернулся. Щёлкнул замок, скрипнула, отворяясь, дверь, и в комнату вошла мама Микки.

— Почему ты не спишь, Мышонок? И почему сидишь на полу? — ласково спросила Хелен. Хоть она и пыталась сдерживать волнение, её голос всё равно дрожал.

— Микки говор... — Мальчишка осёкся, решив не рассказывать о странном друге из Зазеркалья.

Наученный горьким опытом, Микки понимал, что дружба с призрачными товарищами никогда не воспримется родителями нормально. В лучшем случае, его ожидает визит к доктору, заставляющему рассматривать дурацкие карточки с фотографиями ужасной Тьмы. В худшем, Микки вернётся в больницу, где через несколько месяцев «пытках» забудет не только невидимых друзей, но и собственное имя...

— Микки не знает, как здесь очутился... — и глазом не моргнув, соврал мальчик.

Хелен опустила на колени, крепко обняла сына, с нежностью поцеловала в лоб и прошептала:

— Пойдём, мой потерявшийся Мышонок! Я уложу тебя спать...

На следующее утро в школу Микки не пошёл. Мама сказала, что он должен восстановиться после вчерашних «приключений». Мальчик сначала об-

радовался, но потом понял, что она тоже не собирается идти на работу, и расстроился. Хотя ни та ни другая эмоция не проявились на его лице. Весь день он провёл с мамой. Они объездили все крупные супермаркеты в округе, накупив столько еды, что хватило бы на целый год. По крайней мере, Микки так показалось. Полный багажник полиэтиленовых пакетов с продуктами. Вернувшись домой, они вместе готовили ужин: мальчик смотрел в окно, а Хелен крутилась у плиты. Мать всеми силами пыталась втянуть его в «игру», но безуспешно — Микки ни на что не реагировал, его голова была занята другим: он мечтал лишь о том, чтобы день закончился и Микки отправили спать. Ведь тогда мальчик сможет поговорить с Твином, ну или убедиться в том, что новый друг лишь вымысел, порождение кошмаров, бред больного воображения...

Микки проснулся от того, что снова услышал барабанную дробь по стеклу. Открыл глаза и посмотрел на стену, где висело зеркало — там виднелся размытый силуэт двойника, машущего ему рукой.

— Привет, Микки! Думал, ты сегодня не проснёшься... Все пальцы отбил, пока достучался.

— Привет, Твин! — поприветствовал мальчишка, выбираясь из кровати.

Он больше не страшился «зеркального мальчишка», ведь тот походил на него как две капли воды, а самого себя Микки не боялся — как-то повода не возникало. Паренёк подошёл к зеркалу и прикоснулся к нему ладонью. Твин проделал тот же трюк с другой стороны, отчего стекло под рукой Микки сразу же стало... холодным.

— Настоящий... — протянул Микки с ноткой радости, что в его устах звучало восторженным визгом.

— Ещё какой настоящий! — выпалил Твин и расплылся в улыбке Чеширского Кота.

Микки было странно и страшновато видеть себя улыбающимся, но вида он не подал. Решил, что со временем привыкнет.

— Ты даже не хочешь у меня ничего спросить? Неинтересно? — продолжил разговор Твин, убирая руку от стекла.

— Интересно...

— Тогда почему не спрашиваешь?

— А что нужно спрашивать?

— Хе-е... Ну, спроси меня, почему я вдруг появился в твоём зеркале.

— Почему ты появился в зеркале?

— Это длинная история... — протянул Твин, делая задумчивое лицо. — Когда-то давно это зеркало...

Твин рассказывал мальчику о каком-то родовом проклятье. О живущей в лесу ведьме, которую не пригласили на крещение первенца королевской четы. О рыцаре, согласившемся на подвиг ради любви... Микки слышал эти детские сказки тысячи раз, ведь раньше мама каждый день читала их перед сном.

Но делал вид, что ему интересно. Иногда переспрашивал и уточнял, хотя заранее знал ответ. На самом деле его увлекало другое — сам процесс общения.

Он впервые в жизни почувствовал себя обычным ребёнком, который разговаривает с кем-то, кроме родителей и себя самого. Пусть и несмотря на то, что собеседник не из плоти и крови и выглядит, как точная копия Микки...

— ...Твоя кровь разрушила чары и открыла пока ещё не дверь — окно, — говорил его двойник. — Теперь мы можем с тобой общаться. Как друзья!

— Ты хочешь стать для Микки другом?! — удивился мальчик, переварив услышанное.

— Конечно, хочу!

— А зачем?

— Зачем?.. А ты сам не знаешь?

— Микки не знает. У него никогда не было друзей.

— Ну, как же... Мы будем поддерживать друг друга. Помогать. Ты сможешь делиться со мной секретами. А ещё веселиться и играть. Знаешь, сколько я фокусов знаю? Про дружбу нельзя рассказать, её нужно попробовать.

— На вкус?

— Можно и на вкус, — подтвердил Твин и рассмехался так задорно, что даже Микки захотелось искривить губы в подобии улыбки.

— Твин станет другом Микки?

— Конечно! Ты же спас меня из заточения, я тебе по гроб жизни обязан... Теперь ты мой кровный брат-близнец. А они всегда должны быть вместе!

Твин замолчал, прислушался к чему-то, подмигнул Микки и тут же исчез. Лишь откуда-то издали послышалось: «Пока!» В зеркале появилось настоящее отражение Микки, которое показалось ему сейчас каким-то бездушным. Даже неживым...

Скрипнула дверь, и в комнату вошла мама.

— Мышонок, ты почему опять не спишь?..

Вот уже три недели мальчик не мог поговорить с Твином — всё время мешала мама. Теперь она приходила спать в его комнату, даже матрац

себе постелила на полу, рядом с детской кроватью. В первые дни Микки пытался незаметно прокрасться к зеркалу, но каждый раз это заканчивалось неудачей: Хелен спала очень чутко и вскакивала от любого шороха. Мальчик пробовал достучаться до двойника днём, но зеркало не отзывалось — Твин появлялся в отражении только ночью.

В душу Микки закралась подлая осень. С хмурыми тучами и проливным дождём. Иногда с громом и молниями... Ему было грустно, он скучал, хоть и не понимал, что за чувство его терзало. Раньше с ним никогда такого не происходило.

Перемены в нём заметили и в школе — мальчик совсем перестал учиться, и его всё чаще стали выгонять с уроков за плохое поведение. Микки стал вспыльчивым и агрессивным: он мог встать посреди урока и заорать на весь класс или вообще кого-нибудь ударить. Один раз даже учителю досталось — мальчишка швырнул в него учебником. «Заводилы» в классе теперь его не трогали, с опаской обходили стороной. Он превращался в маленькое чудовище.

В один из вечеров Микки решил, что так больше продолжаться не может, и начал искать решение. Тогда в голове и созрел план...

— Привет, Твин! — отсалютовал Микки, как только увидел в зеркале силуэт друга.

— Привет, Микки! Ты меня ждал что ли?

— Ждал.

Это была правда. Микки простоял у зеркала почти два часа без движения, словно робот в режиме ожидания. Сегодня мальчик не стал засыпать, хоть и ложился в кровать.

— Соскучился?

— Микки не знает ответа на твой вопрос.

— Ладно, неважно... А где твоя маман? Как ты от неё избавился?

— Спит. Микки подсыпал ей в чай снотворное.

— И где ты его взял?! Тебе же не продадут, — с удивлением произнёс Твин, прищурившись.

— Взял в кладовке. Мама оставила ключ в замочной скважине. Микки знал, что таблетки лежат в коробке с вещами, оставшимися от Счастливи́чика. Его поили снотворным, когда он болел.

— Кто такой Счастливи́чик?

— Пёс...

— А где он? Я его что-то ни разу не видел.

Раньше в доме жил ещё один член семьи — шоколадного цвета лабрадор. Микки не помнил, когда и почему тот исчез, его не волновали эти проблемы. Он даже не поинтересовался о судьбе собаки у родителей. Сбежал или умер — всё едино. Не просыпались у Микки по этому поводу ни печаль, ни скорбь. Полное безразличие, как будто он потерял совочек в песочнице, а не пса.

— Микки не знает. Он тоже давно не видел.

— Ну да ладно... То есть ты напоил Хелен собачьими таблетками? Как ты рассчитал дозу?

— Микки ничего не считал. Он не знает, как это делать. Просто высыпал половину флакончика.

— А если она не проснётся?

— Микки не думал об этом, он хотел увидеть Твина, — пробормотал мальчик и потупился. — Ты не рад?

— Конечно, рад, Микки! — воскликнул двойник. — Это даже не обсуждается. Рассказывай, как у тебя дела с остальным.

— Микки не хочет рассказывать. Он хочет задавать вопросы.

— Давай! Я расскажу тебе всё, что знаю сам.

У Микки было много времени для того, что придумать вопросы.

Он даже классифицировал их по категориям: по степени сложности, значимости и полезности.

Мальчик разложил в голове пазлы из вопросов и теперь хотел собрать полноценную картинку.

— Почему окно?

— Не понял...

— Почему окно, а не дверь? — уточнил вопрос Микки.

— А, ты об этом... Потому что пока я не могу выйти, а ты зайти.

— Что за входной дверью комнаты?

— Зазеркальный мир... Сказка, где сбываются мечты.

— Там есть океан и синее небо? Чтобы как на картинке, которую я всегда собираю.

— Конечно! Крыльцо дома выходит прямо к океану. Даже никуда ходить не надо. Проснулся и сразу купаться, хоть с утра до вечера. Я почти каждый день так делаю.

— И зимой?

— Какая зима! Там всегда лето! Я не люблю другие времена года.

— Всегда лето... А когда Твин ходит в школу?

— Школа? Х-м-м... Да я её ненавижу! Давным-давно забросил, — прорычал Твин, скорчив лицо от отвращения.

— А родители? Не ругают Твина за то, что он ничего не делает?

— Какие родители? Я один живу. Зачем они нужны? Без них только лучше. Свобода! Как птица в небе!

— А кто Твину готовит?

— Никто не готовит! Просто подумал — и любая еда уже на столе, — воскликнул Твин и смахнул пальцем капельку слюны, появившуюся в уголке рта.

— А можно всегда думать об арахисовой пасте?

— Конечно! Хотя до позеленения ешь!

— А компьютеры у Твина есть?

— Что есть?

— Электронно-вычислительные машины.

— А! Ты про это... Да на каждом углу валяются! Можешь полные карманы набрать.

Вопросы сыпались из Микки, словно из бездонной бочки. Он никак не мог остановиться, но Твин нисколько не сердился — двойник отвечал и отвечал.

Впервые в жизни глаза Микки светились от радости. Он уже ощущал на губах солёный вкус морской воды. Чувствовал на коже тепло игривых солнечных лучей. Мальчик был счастлив...

— Что нужно сделать для того, чтобы окно стало дверью? — задал он Твину самый важный вопрос, который всё это время раздирал разум на куски.

В комнате повисла пауза. Твин молчал. По лицу скользнула ехидная ухмылка и тотчас растворилась без следа в пугающей серьёзности. Микки открыл рот, чтобы повторить вопрос, но не успел издать ни звука...

Он услышал шум за спиной и вслед за ним зашпанный голос матери:

— Мышонок, что ты там делаешь?

Твин придвинулся вплотную к стеклу, отчего нос его расплющился и стал похож на свиной пятак.

— Наконец-то правильный вопрос, Микки... Встретимся в тот день, когда ты явился на свет. Тогда всё и узнаешь... — прошептал Твин и исчез, оставив с той стороны зеркала отпечаток носа.

Неделя тянулась для Микки бесконечно долго, он считал даже не минуты, секунды — ещё никогда в жизни он так не ждал своего дня рождения. Мальчик мечтал не о подарках, а о том, что Твин откроет ему сокровенную тайну. Микки всю свою жизнь боялся того, что его проглотит Тьма, но никогда не думал, что Она будет пожирать его изнутри.

Микки почти не ел и не спал, навязчивая идея проглотила его целиком. Он ненавидел всех и вся. Впадал в истерику по малейшему поводу, раскидывая неумную злость направо и налево. Родители больше не отправляли Микки в школу, опасаясь, что он причинит вред или себе, или другим детям. Всё чаще Кевин и Хелен задумывались о том, чтобы отдать мальчика на принудительное лечение, но всё-таки уговорили себя подождать до дня рождения.

— Твин... Твин... Твин... — уставившись в глубину зеркала, бубнил Микки. Его голос хрипел, ведь совсем недавно он надрывал глотку по полной, не щадя себя.

— Привет, Микки! С днём рождения! — радостно приветствовал Твин, появившись, как всегда, из ниоткуда. — Желаю тебе...

— Как превратить окно в дверь? — гневно перебил мальчик, игнорируя поздравления.

— О, я вижу, ты настроен серьёзно...

— Как превратить окно в дверь? — чуть не заорал Микки, у которого даже задёргалось в нервном тике правое веко.

— Ты хочешь превратить окно в дверь?

— Да, хочу... Микки хочет жить в мире Твина.

— Достойное желание. И я тебе расскажу, как... Кстати, как ты избавился от Хелен на этот раз? Отравил мышьяком?

— Это неважно... Микки договорился. Пообещал ей то, от чего она не смогла отказаться.

— Ладно! Действительно, неважно... Слева на рамке зеркала есть острый выступ, похожий на цветок. Порезь об его листья палец и прислони руку к моей ладони.

Микки выполнил все указания, распоров себе не палец, а пол-ладони, и замер в ожидании дальнейших инструкций.

— Тебе осталось загадать желание. В такой день, как сегодня, оно исполнится, — пропел Твин и расплылся в своей «фирменной» улыбке.

— Микки хочет жить в мире Твина!..

В зрачки мальчика ударил яркий свет — Микки не успел среагировать и зажмуриться. Перед глазами теперь маячил лишь ослепительно-белый фон, по которому хаотично перемещалось чёрное пятно, чем-то напоминавшее улыбку Твина. — Мама-а-а-а! — ворвался в уши Микки жуткий крик, от которого едва барабанные перепонки не лопнули. — Папа-а-а-а! Помогите!

Зрение к Микки постепенно вернулось, и он увидел в зеркале странного Твина. Таким он его никогда раньше не видел. Двойник сидел на полу, зажимая кровотокающую рану на руке. Лицо сморщилось, по щекам ручьём текли слёзы. Он ревел, как пятилетняя девчонка. Микки даже стало противно от увиденного зрелища...

— Мама-а-а! — вновь закричал Твин, ещё жалобней, чем в прошлый раз.

Через полминуты в комнату примчалась «зеркальная Хелен» и подбежала к Твину. Опустилась на колени, поцеловала двойника и прижала его го-

лову к груди. Микки стоял, словно истукан, и непонимающе вращал глазами. Он думал о том, что упустил что-то из виду, но пока не понимал, что.

— Мышонок, бедняжка! Что опять случилось?!

— Мамочка, я опять бродил во сне и порезался о зеркало, — всхлипывая, бормотал зарёванный Твин, всё крепче прижимаясь к матери. — И я не Мышонок. Меня зовут Микки...

— Как скажешь, Микки...

Глаза Микки расширились до предела, челюсть отвисла. Он обернулся и увидел за спиной лишь пустую, тёмную, крошечную комнату, похожую на подвал, и в душе зашевелился страх.

Мальчик снова повернулся к зеркалу. В детскую вошёл напуганный отец. Он тоже опустился на пол и заключил «псевдо-Микки» в крепкие объятия. Вся семья теперь собралась вместе. Твин высунул голову из-за руки Кевина, посмотрел на Микки в зеркале и улыбнулся так, как умел лишь он один...

Собирание пазлов научило Микки трём вещам: вниманию, логике и безграничному терпению. Последнее помогло ему не сойти с ума, поскольку всё, о чём рассказывал Твин, оказалось обманом. Никакого Зеркального мира не существовало — только мрачная комната ровно в тринадцать стоп Микки в длину и столько же в ширину и высоту. У мальчика было много времени, он перепроверил это тысячу раз. Ни дверей, ни окон, ни мебели, только висящее на одной из гладких каменных стен зеркало, на поверхность которого проецировался бывший мир Микки, а вернее, его комната.

Мальчик давно уже не орал как бешеный, не бился о зеркало, не пытался себя изувечить или уничто-

жить. Просто в один прекрасный момент понял, что это ни к чему не приведёт. Здесь нет места боли или усталости. Микки не мог умереть даже от голода, который мучил с неимоверной силой. Этот мир пребывал вне времени и пространства, а Микки существовал в нём бестелесным призраком.

Он избавился от всех страхов. Его больше не пугали ни замкнутое пространство, ни Тьма. Он даже с Ней подружился. Она оказалась совсем не злой, как думал Микки. Мягкая и пушистая, как ласковый щенок. Тьма рассказала ему правду: в ту злополучную ночь Она приходила остановить мальчика, предостеречь от встречи с Твином...

Пленник вечности сидел, словно окаменев, и смотрел на меняющуюся в зеркале картинку. День, ночь... День, ночь... Он видел, как переклеили в комнате обои, сменив их на ярко-жёлтые с дурацкими картинками из мультяшек. Поменяли старую мебель. В детской даже появился современный компьютер. В комнате теперь творился хаос — Твин никогда не заправлял постель и не собирал игрушки, разрушив идиллию, создаваемую годами.

Осень, зима, лето... Твин даже не вспомнил о Микки. Лишь однажды он ему подмигнул и улыбнулся — ровно через год, когда Микки исполнилось бы двенадцать. В комнате под потолком летало множество разноцветных шаров. В центре комнаты складировали подарки. Футбольный мяч, бейсбольная бита, скейтборд, велосипед и прочие игрушки. Всё то, что ненавидел Микки. У Твина появилось много друзей, которых не было у него. Микки глядел на счастливых родителей, которые теперь всегда улыбались. Они даже помолодели. Видел, как радуется и смеётся Твин. Его благодарность казалась искренней — двойник делал всё то, чего не умел Микки...

Затаённая злоба заиграла с удвоенной силой. Пленник сообразил, что Твин украл никчёмную жизнь мальчишки и превратил её в идеальную. Микки теперь ненавидел... себя, ведь понимал, что виноват сам.

Мальчик отвернулся от зеркала и продолжил сидеть, погрузившись в собственные мысли. Теперь он вставал лишь тогда, когда за спиной зажигался свет, предвещающий начало нового дня. Микки подходил к стене и ставил на ней ногтями отметку — вертикальную черту в пару сантиметров — и возвращался на место...

В следующий раз он заглянул в зеркало, когда правая стена заполнилась письменами. Он даже не узнал Твина, так сильно тот возмужал. Двойник сидел в комнате не один. Микки узнал в симпатичной девушке рядом с ним одноклассницу-зубрилку Катрин. Они вытворяли такое, что мальчишка раскраснелся и отвернулся. Только изрисовав левую стену, он решил ещё раз взглянуть на комнату. В центре неё, на ковре, Микки увидел четырёхлетнего малыша, который расставлял в идеально прямую линию машинки...

В очерстевшем сердце Микки проснулась надежда на освобождение. У него ещё полно времени. Он знал, что станет теперь самым добрым на свете и научится главному — любить. Любить всё, что раньше ненавидел.

Микки подошёл вплотную к зеркалу, прижался к нему лицом и расплылся в улыбке Чеширского Кота... ❧

* Куру — «смеющаяся смерть». Болезнь, встречающаяся почти исключительно в высокогорных районах Новой Гвинеи у аборигенов племени форэ, впервые обнаружена в начале XX века. Главными признаками заболевания являются сильная дрожь и порывистые движения головой, иногда сопровождаемые улыбкой, подобной той, которая появляется у больных столбняком.

** Аутизм — расстройство, возникающее вследствие нарушения развития головного мозга и характеризующееся выраженным и всесторонним дефицитом социального взаимодействия и общения, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями.

Чёрт-34

Сергей Булгаков

Родился 9 июня 1986 года. По образованию — юрист, кандидат юридических наук. Занимался преподавательской деятельностью. Живет и работает в городе Воронеже. Литературным творчеством увлёкся относительно недавно. Призёр конкурса фантастического рассказа «Метафорическая деформация — 2015», финалист конкурса фэнтези «Весенний пролёт фантазии — 2016». Участвует в проекте «Вавилон-6» Творческого объединения «Посредник» (соавтор сценария 4-х серий), немного пишет для блога о фантастике (toposrednik.ru) под ником Railgun и в онлайн-журнал «Фантастика.рф». Публиковался в журналах «Аве», «Южный город» (Одесса), альманахе фантастики «Порог-АК», альманахе фантастики «Фантаскоп» (аудиоверсия), сборниках современной прозы и поэзии издательства «Дикси Пресс» (Москва) в 2015, 2016 годах.

На вечернем привале экипаж советского танка собрался вокруг костра. Солнце уже закатилось за горизонт, тьма до утра вступала в свои права, а где-то в роще кричал сыч. Командир боевой машины — капитан Папаян, по прозвищу Папа — разлил своим бойцам слегка разбавленный спирт из фляжки в жестяные кружки.

— Ну, помянем радиста Тарасенко, — пробормотал он и выпил залпом.

Двое танкистов быстро последовали его примеру. Тарасенко был уже третьим радистом, который погиб в их экипаже за две недели. Причём погибали все они не в танке, а при различных дурацких ситуациях, вроде падения в заросший травой пересохший колодец или с чердака во сне. Командир взвода сказал, что больше людей нет, поэтому вчерашний бой они провели втроём.

— Да что толку от радиста, если в эфире одни помехи, — сказал слегка порозовевший от выпитого механик, — у него даже люка своего нет, чтобы он флажками хоть посигналить вылез.

— Зато лишняя пара рук, — кивнул наводчик, — он самокруточку завсегда скрутить может.

— Может, живность какую взять на его место? Кошку или собаку? — задумчиво проговорил Папа. — Сколько их бегают бездомных кругом. Зверюшки — это хорошо.

Неожиданно из-под земли медленно возникла тёмная фигура. В отблесках красноватого пламени стоял чёрт. Высокий, худощавый, с огромными глазищами и приплюснутым носом. Всё его тело покрывала курчавая рыжеватая шерсть, а на ногах блестели лакированные копыта. Сквозь чёрную кожаную кепку торчали короткие острые рожки.

Нечисть дружелюбно улыбнулась, обнажив ряды ровных белых зубов. Чёрт на мгновение вы-

сунул язык, на котором тлел уголёк, и засунул его обратно, словно леденец.

— Во исполнение шестьсот тринадцатого приказа — принимайте пополнение, товарищи!

— Какого приказа? — удивился капитан.

— Шестьсот тринадцатого, — спокойно произнёс его собеседник. — Копии у меня с собой нет, но приказ такой есть, не сомневайтесь. Семь печатей, как положено. И подписи рядышком: моего шефа и вашего, усатого.

— Мы ни о чём таком не слышали... — начал механик Николай, подумав, что спирт был с каким-то странным привкусом.

— Да вы же знаете только то, что политрук скажет или что по радио голосом Левитана передадут, — ухмыльнулся чёрт и выплюнул уголёк из-за щеки.

Танкисты продолжали оторопело смотреть на нечистого и не могли вымолвить ни слова. Только Макар дрожащими руками достал из ящика с инструментами два здоровенных гаечных ключа и скрестил их перед собой. Шерсть на загривке у чёрта встала дыбом, он поёжился, но с места не двинулся.

— Ты, Макарушка, лучше убери их, — раздражённо, но тихо произнёс бес. — Веры в тебе маловато, да и святости в этих инструментах не больше. А «Отче наш» бабушка тебя так и не заставила выучить...

Наводчик сконфуженно опустил железяки, но из рук не выпустил.

— Чего тебе надо, нечисть? — наконец выдавил из себя Николай.

— Я говорю, что не знаете вы ни... черта! — засмеялся бес. — Черчилль выступал недавно и сказал, что Бог за нас, за буржуев то есть, а Дьявол

за Советы. Поэтому за немцев — никого, а стало быть, победа не за горами. Западная пресса долго смеялась над его словами, все издания перепечатывали их. Но вам об этом ничего неизвестно, ведь вы читаете только советские газеты...

— И что с того? — почесал затылок капитан Папаян. — Мало ли, что эти проклятые капиталисты говорят или пишут.

— А то, что правда это! — рявкнул чёрт. — Была встреча на высшем уровне. Люди попросили помочь. Им не отказали. Вот меня и командировали в эту глушь. Я буду курировать ваш танк.

— Не нужно! — быстро возразил капитан Папаян. — Мы и сами справимся. Иди к кому-нибудь ещё.

— Можно подумать, что я могу выбрать! — фыркнул бес. — У нас бюрократия ещё посерьёзнее, чем в парткоме.

— А теперь у всех будут такие... напарники? — поинтересовался Николай.

— Ага! Размечтался! Людей столько развелось, что на всех чертей не напасёшься, — засмеялся рогатый. — Ваш экипаж выбрали по конкурсу. Статистику посмотрели: количество боёв, процент попаданий, подбитые вражеские танки, ну и прочую ерунду.

— Ну и? Впечатлился? — с гордостью в дрожащем голосе поинтересовался капитан.

— Ага, — покачал головой хвостатый, — да вы явно пропадёте в ближайшем бою. Такого бездарного, но одновременно везучего экипажа нет во всей танковой армии.

— А ты прямо настоящий чёрт? — недоверчиво сказал Николай и осторожно положил руку на автомат. Казалось, что чёрт этого жеста не заметил.

Механик резко навёл автомат на нечисть и выпустил очередь точно в противника. Чёрт сокру-

шенно покачал головой и почесался. Казалось, что его тело просто поглотило пули без следа.

— Так, теперь будем знакомиться, хватить заниматься глупостями, — сказал чёрт и в одну секунду успел пожать танкистам их вспотевшие ладони своей цепкой мохнатой лапой. — Зовут меня Вахаракнапах, но вам я разрешу звать меня просто — Ваха.

— Это просто немыслимо! — голос капитана Папаяна почти сорвался на крик. — Я пойду сейчас к командиру взвода и доложу!

— Попробуй, милоч, — ехидно прошамкал Ваха, — а я пока пообщаюсь с твоим экипажем.

Капитан засопел своим большим горбатым носом и быстрым шагом направился в сторону штаба, ежесекундно оглядываясь.

— Ну а пока он ходит докладывать, я расскажу про вас, — начал Ваха. — Макар — ты вообще хороший парень, стреляешь метко, знатный охотник, зверя в глаз бьешь, чтоб шкурка целая была, но слишком робкий в отношениях с девушками. Про Настю лучше забудь, настоятельно рекомендую.

— Погибла? — побледнел Макар. — Бомбили?

— Ну за это не переживай, — отмахнулся Ваха, — просто спуталась с одним проходимцем. У него броня фиктивная. Как только таким не стыдно! Нормальные мужики на передовой гибнут за Отечество, а здоровые блатные сволочи по тылам сидят, пьют водку и девок портят.

— Врёшь ты всё! — заорал обычно спокойный Макар и бросился на чёрта с кулаками.

Бес с лёгкостью увернулся от прямого удара в челюсть, а потом обхватил парня руками и прижал к своей мохнатой груди.

— Успокойся, Макарушка. Если вернёшься с войны живым, то найдёшь себе настоящую, вер-

ную девушку. Чтоб тебя любила и уважала, — ласково произнёс Ваха, продолжая крепко удерживать вырывавшегося танкиста.

— А у меня дома как? — неожиданно для самого себя спросил Николай.

— Младший брат сбежал на фронт, батю контузило при бомбёжке на Дальнем Востоке, а мать болеет. На заводе надорвалась. Скорее всего, тебя не дождётся в любом случае, — печально ответил чёрт.

Коля вздохнул и вспомнил свою деревню. В голове мелькали образы самых родных ему людей, их маленькая, но уютная изба, одинокая яблоня в огороде и просторы распаханного колхозного поля, пахнущего свежим чернозёмом. Эх, вернуться бы туда хоть на мгновение! Побегать наперегонки с братишкой, помочь матери, смастерить что-нибудь вместе с отцом или даже покататься на тракторе.

— Хорош мечтать, тракторист! — хлопнул по плечу Ваха. — Вот победим фашистскую гадину, тогда будешь пахать и сеять и строить социализм. А потом и до Гренады, глядишь, доберёшься, чтоб землю тамошним крестьянам отдать.

Николай ничего ответить не успел, потому что увидел бегущего обратно командира танка. Глаза Папаяна были величиной с блюдце, а лицо белым, как сальная свечка.

— Товарищ капитан, что вам сказали?! — в один голос поинтересовались танкисты.

— Да я даже не смог и заикнуться про него, — ответил Папа и показал на чёрта пальцем, — стоял и болтал про всякую ерунду. Товарищ майор даже дыхнуть велел, а потом прогнал... Ну не могли же мы все с одной кружки спирта так одуреть!

— Вы на себя взяли обязательство о неразглашении, — ухмыльнулся Ваха, — когда руку мне пожи-

мали. Это для конспирации. Теперь никому уже не сможете ни слова про меня сказать на этом свете.

— И что нам с тобой делать!? — обреченно воскликнул капитан.

— Теперь я стану новым членом вашего экипажа, — ответил Ваха. — Я буду вселяться в танк и помогать вам. Вот увидите — станете лучшей машиной в армии.

В доказательство своих слов чёрт в мгновение ока оказался около гусениц и словно слился с корпусом танка, после чего на башне появилось изображение чёрной злобной рожицы.

Через пару секунд улыбающаяся рогатая голова высунулась из люка. Бес был явно доволен.

— Замечательная боевая машина, — сказал он и ласково погладил танк по броне. — Лучше не бывает!

Ваха оказался отличным чёртом. Когда он вселялся в Т-34, то танк словно преображался. Его не могли пробить даже выстрелы орудий «Тигров». Снаряды отскакивали от брони и взрывались чуть в стороне, оставляя лишь небольшие вмятины.

Пару раз после боя Ваха выбирался наружу весь в синяках. Правда, заживали они уже на следующее утро. Но всё равно чёрт предпочитал менять траекторию снарядов ещё на подлёте. Зато пушка советского танка часто пробивала тяжёлую броню врага даже в лоб. Вскоре капитан Папаян с гордостью пересчитывал красные звёздочки, намалёванные на башне.

— Ах, какой наш Ваха молодец! — восхищенно произнёс он, обращаясь к Макару.

— Да, такого чёрта ещё поискать, — улыбнулся наводчик.

Ваха стоял в сторонке, смущенно потупив взгляд. Он-то знал, что с каждым днём ребята справлялись с боевой задачей самостоятельно всё лучше и лучше.

Теперь лишь изредка требовалось его вмешательство. Но он всё равно часто ворчал:

— Вот всегда чертям самое сложное приходится делать! Где справедливость? Что в Аду грешников существенно больше, уже и размещать скоро негде будет, что здесь!

— А в чём дело? — поинтересовался Макар.

— Да тут мне ангелочек знакомый написал, как они на западном фронте воюют, — фыркнул чёрт. — Халявчики, одним словом, а ноют постоянно. Их бы сюда...

— Ничего, — произнёс Николай и вытер пот со лба, — скоро мы с союзничками соединимся, поможем им.

Очередное, ничем не примечательное наступление обернулось катастрофой.

«Тридцатьчетверка» шустро катила по полю, стремительно сокращая расстояние до вражеских позиций. Ваха с лёгкостью принимал на себя выстрелы противотанковых ружей, а пару рванувших на перехват фашистских танков Макар и Папа подбили самостоятельно.

Как вдруг их боевая машина содрогнулась от чудовищного по силе попадания. Коля ударился лбом об рычаг и на мгновение весь мир для него погрузился во тьму.

Николай очнулся, быстро вылез из горящего танка и упал на землю, попытавшись как можно

сильнее вжаться в неглубокую канаву. Немецкие пулемёты строчили как сумасшедшие.

Пули свистели прямо над головой, но парень всё же сумел извернуться и посмотреть на свою подбитую «тридцатьчетверку». Снаряд точно пробил башню сбоку.

Видимо, фашисты ночью незаметно передислоцировали свою противотанковую батарею южнее и стреляли с фланга.

Да, с такими повреждениями никто уцелеть точно не мог, поэтому Коля и не ждал, что кто-нибудь из его экипажа выберется наружу. В голове звенело и хотелось заплакать.

Вдруг от корпуса отделился чёрный силуэт. Это был Ваха. Он спокойно стоял и не обращал внимания ни на пули, ни на горящий кончик своего хвоста.

— Ты полежи ещё немного, Николай, — грустно сказал чёрт, — наступление развивается по плану, скоро пехота пойдёт в атаку, и мы присоединимся к ним.

— Как так получилось? — прошипел парень. — Ведь ты вселился в наш танк... мы были неуязвимы.

— К сожалению, в мире действуют и другие силы... — пробормотал Ваха и злобно оскалился, глядя на юг. — Коммунизм и христианство не единственные мировые религии. Но мы всё равно сильнее. Пока что...

Он достал папиросу и прикурил её от продолжавшей гореть кисточки на хвосте. Потом погасил пламя смачным плевком.

— Ребят уже не вернуть, — мрачно сказал Николай.

— Ты за них не переживай. Отлетели души в Рай... Можно сказать, что им повезло, — ответил

чёрт. — При существующей власти они использовали практически единственный шанс: погибли за Родину. Я думаю, что это лучше, чем идти на небо по другому пути — мучиться до смерти в лагерях.

Коля молчал. Он лежал и смотрел на белые облака. Их война не касалась.

Они так же, как и сотни лет до этого плыли по своим маршрутам.

Сзади уже рассыпались цепью пехотинцы при поддержке лёгких бронетранспортеров.

Немецкие пулемёты и пушки постепенно умолкли.

Танки сделали своё дело, подавив самые опасные огневые точки противника, но ещё строчили автоматы и трещали ружейные выстрелы.

— Колька, поднимайся! — Чёрт стал трясти танкиста, как котёнка. — Вот тебе автомат. Второй я возьму себе. Пойду чуть впереди. Ничего не бойся, ложись на меня.

— Ты уже раз подвёл, — вздохнул Николай.

— Забыли! — отрезал Ваха. — Те негодяи мне ещё ответят...

Чёрт сжал рукоятку трофейного «шмайссера» и передёрнул затвор. Николай встал рядом и сделал точно так же.

А дальше Ваха повёл себя совсем неожиданно. Соединив вместе три пальца правой руки, он осенил себя крестным знаменем, поморщился, точно проглотил горькое лекарство, и двинулся вперёд.

На недоумевающий взгляд танкиста чёрт коротко бросил через плечо:

— Ты тоже повтори! На войне неверующих не бывает... А победа нужна нам всем! Ну, с Богом! **УС**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413		
на журнал										(индекс издания)		
Уральский следопыт. uralstalker.com												
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
Кому												
(фамилия, инициалы)												

			Доставочная карточка										
ПВ	место		литер	на журнал									
			73413										
			(Индекс издания)										
Уральский следопыт. uralstalker.com													
Стоимость	подписки		_____руб._____коп.		Кол-во компл.								
	перед-ресовки		_____руб._____коп.										
на 20__ г. по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**